

FANTASY

А.Г.

Во власти БЕЗУМИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

А Г

Во власти безумия

<https://litres.ru/74621584>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что происходит с теми, кто по воле судьбы оказывается в чужом мире?

Ничего хорошего. Уж поверьте, я проверила на собственной шкуре.

Параллельные миры? Магия? Демоны?

Раньше я бы рассмеялась вам в лицо. Но ровно до того момента, пока не встретила ЕГО.

Жестокого. Беспощадного. Кровожадного.

Существо, для которого человеческая жизнь — ничто, а душа — всего лишь желанный трофей. И именно мою душу он вознамерился заполучить.

Вот только одну маленькую деталь этот рогатый ублюдок предпочёл утаить: демон не может забрать человеческую душу силой. Её можно лишь отдать добровольно.

Согласиться отправиться с ним в мир, где правят жестокость и смерть, — полбеда. Но выполнить обещанное и добровольно обречь себя на вечные муки? Нет уж!

Я собиралась бороться. Сбежать. Обмануть самого демона. Но, как выяснилось, самое страшное чудовище пряталось вовсе не в глубинах ада.

Моё предательское сердце с каждым днём всё сильнее тянулось к существу, неспособному на жалость. К воплощению самой жестокости.

Содержание

Глава	5
Глава 1.	11
Глава 2.	14
Глава 3.	26
Глава 4.	44
Глава 5.	57
Глава 6.	72
Глава 7.	79
Глава 8.	87
Глава 9.	93
Глава 10.	110
Глава 11.	123
Глава 12.	147
Глава 13.	160
Конец ознакомительного фрагмента.	173

Во власти безумия

Глава

Я очнулась в собственной постели. В своей грёбаной постели! Соскочила, как ошпаренная, скидывая на пол одеяло, путаясь в простыне.

Что же это?

Жадно бегаю глазами по комнате. Окно, кровать, комод, шкаф, привычные плакаты на стенах с теми самыми кошмарами, привидевшимися мне этой ночью...

Значит, всё же сон? Да? Слишком дурной и реалистичный... Смогла выбраться!

Надо же!

Сама удивляюсь, как такое возможно? Ад... Чудовища? Смешно! Выдумка, не более...

— Ха! Ну ты совсем ку-ку, Амара...

И тут же подхожу к той самой стене, где висят плакаты любимых групп, поражаясь сходством. Вот он, любимый плакат группы, смотрит на меня глазами черноволосой девушки, купающейся в той самой ванной... Наполненной алой жидкостью...

Жуть...

Неужели всё оказалось настолько просто? Мозг воспроизводил то, что висит в моей комнате, то, что изображено

на картинках, которые то и дело ежедневно мелькали перед глазами...

А вот и плакат с полыхающим телом в костре... Кожа сползает с тела, развеваясь ошмётками, а вот и стекающие по лицу глаза...

Вот и плакат, изображающий очередную группу, стоящую на фоне жутких адских гор...

Шаг за шагом я отходила от стены, поражённая тем, насколько же всё было реалистичным. Слишком жутким, страшным для сна, и всё же это был сон. Я до сих пор чувствовала некое колыхание в груди, стоило вспомнить о жёлтых глазах Демона. Бррр... холодок так и пробежал по коже.

Душ. Холодный. Бодрящий. Хватит с меня слишком горячих ощущений. Кожа до сих пор помнила, каково, когда огонь блуждает по ней, поражая каждый нерв, причиняя невыносимо острые импульсы боли.

Кофе, такой ароматный, вкусный! Да я словно вечность не пила кофе. Дурманивший запах заставляет прикрыть глаза, втягивая столь потрясный аромат свежесваренного кофе. Ммммм...

Но стоило сомкнуть веки, отдаваясь столь потрясающему удовольствию, как вспышкой перед сомкнутыми глазами сверкнули оранжевые зрачки. Всего на долю секунды увидеть этот ужас, и этого достаточно для того, чтобы вздрогнуть, вновь ощутить прилив жгучего страха, как и импульс боли на своих пальцах, когда горячий кофе выплеснулся из

кружки, обжигая кожу, отвлекая от того, что так мимолётно проскользнуло в мои мысли. Какие к чёрту глаза, когда горячий кофе так больно обжигает.

— Чёрт...

Стрелка на часах медленно движется по циферблату, сосредотачивая моё внимание на отвратительном тиканье. Тик... тик... тик... И когда эти часы стали так громко звенеть? Никогда прежде не замечала... Впрочем. Тревожные сны предвещают тревожный день. Пора!

Накидывая свою любимую джинсовую куртку, я выпорхнула из подъезда, мчась к остановке. К той самой остановке. Чёрт!

И вновь странное чувство лёгкой паники, которая ещё не успела поразить мозг, но уже достигла сердца, заставляя орган барабанить чуть быстрее обычного. Ощущение чего-то опасного, тревожного... как будто что-то должно произойти или уже происходит? Осматривая людей на остановке, я замедлила ход, оглядываясь по сторонам. Ничего необычного, ничего подозрительного. Обычное утро, с обычными людьми, с привычным для большого города движением. Все куда-то спешат, мчатся, игнорируя окружающих, и лишь я одна замерла на минутку, всего лишь на минутку, чтобы оглядеть всю происходящую суету. Обычное утро со своим обычным началом.

Но чем ближе я подбиралась к остановке, тем сильнее становилась тревога, окуная меня в то, что так молниеносно

ускользало от моего разума. Что же это?.. Светофор маячит красным, а я всё никак не могу вспомнить то, что крутится на подкорках мозга, то страшное, что должно произойти или уже произошло... Да и к чёрту. Зелёный!!!

Бегу как угорелая, в одном темпе со всеми теми, кто так же торопится на работу.

Опоздала... как всегда. Стоило переступить порог магазинчика под звонкий гул колокольчика, как глаза недовольного шефа уже метнули искры в меня.

Чёрт... Опять будет выговор или что похуже... Вечно он недоволен чем-то...

— Доброе утро, Фредерик. Прости, я опоздала...

— Опоздала? — Поднимая левую руку, мужчина посмотрел на часы, растянувшись в, НА УДИВЛЕНИЕ, широкой улыбке. Всегда хмурый, он впервые показался подозрительно довольным. — Вовремя как никогда!

Выпил, что ли? Хряпнул с утраца алкогольного смузи, дабы взбодриться и смягчиться?

С подозрением достаю телефон, удивляясь заставке, на которой светилось белыми цифрами время. Не просто вовремя! За десять минут до того самого «вовремя». Это как так?

— Ты не представляешь, насколько у меня хорошие новости!!

Фредерик метнулся из-за прилавка, подбегая ко мне, помогая галантно снять мою скромную курточку, помогая по-

весить её. Двигаясь за мной по пятам, как щенок, он буквально сиял от счастья.

— Насколько?..

— На все сто... — Развернув меня лицом к себе, он вытянул обе ладони перед моим лицом, продолжая сиять от счастья... и петь:

«Добро пожаловать в заброшенные земли!

Заходи, дитя; возьми меня за руку.

Здесь нет ни работы, ни развлечений,

Лишь расплата по счетам.

Я скажу тебе только пять слов,

Пока ты спускаешься вниз, вниз, вниз:

Ты будешь гореть в аду»...

Поёт так забавно, задористо. И голос вроде как приятный. Только вот при чём здесь песня группы? И при чём моя любимая!

— Вышел с концерта, но концерт не покинул тебя? Что?..
Никак увлёкся тяжёлой музыкой?

Осматривая слегка сумасшедшего босса, я всё никак не могла понять, к чему он клонит? При чём здесь эта песня?
Про Ад...

Ад...

Ад...

Ад...

Даже стало не по себе от выбора песни. И почему же он спел именно её? И вновь вспоминаются эти жуткие глаза...

хотя уже и не такие жуткие... Правда, что необычные, жёлтые... И чьи они? Не могу вспомнить...

— А дело в том, что мой магазин ждёт грандиозная популярность, деточка! Слава!

— Да? Будете радовать посетителей своими вокальными данными? — Подмигивая, я старалась как можно дальше отстраниться от лёгкого сумасшествия мужчины. Он был явно придурковат с самого утра.

— Не я! Они... Явно придурковат, со своими вздёргнутыми вверх руками и головой, словно в молитве невидимому Божеству. Точно крышей тронулся...

— Они? — Взглянув мельком наверх, куда был устремлён его взгляд, я вновь уставилась на него. — Кто?..

Глава 1.

Пролог.

... Возвышаясь надо мной, он расправил свои большие черные крылья. Истинный демон в своем жутком обличи. Устрашающий, величественный и такой... такой прекрасный. - Идём со мной..Протянутая рука не давала возможности отвергнуть ее, отказаться от его предложения. Он мой личный гипноз, моя болезнь. И все же я пытаюсь сопротивляться этим чарам, этому туману в моей голове. Пытаюсь изгнать наваждение, мракобесие из своего разума. - Нет!Едва ли мне удастся произнести эти слова, прежде чем невидимая хватка в моей голове становится сильнее.- Ты человек, не забывай об этом. Я могу сломать тебя, заставить, могу уничтожить, стереть в пыль. Могу заставить ожить все твои ужасы, утопить тебя в них, заставить умирать и воскрешать вновь в вечной Агонии адского мучения... А могу заставить испытывать нечто иное, запредельное. Я могу дать тебе то, что пожелаешь. Только пожелай! Подчинись мне. - Верни меня откуда забрал. Верни мне жизнь. Верни в мой мир, заставь все забыть, весь этот ужас.... - Условия ты знаешь человека. Только захоти, скажи свое «Да», и я сделаю как пожелаешь. Позволю прожить лучшую жизнь, исполню все мечты и желания...Голос в голове слишком громкий, отражается от черепной коробки, вонзаясь яркими картинками в мозг, вос-

производя Вижу себя, счастливой, со столь красивой малышкой на руках, в кругу семьи... Рядом мужчина, сжимает так крепко в объятиях.... Хватаюсь руками за голову, пытаюсь отвергнуть мысли, картинки, пытаюсь сопротивляться его внедрению в мой разум. Боль в голове простреливает огненными иглами...- А после? Обречена на вечные муки?- А после.... ты будешь принадлежать мне, и моему миру человека. Нет! это не реально. Мираж... Его внедрение... Вон... **ВОН ИЗ МОЕЙ ГОЛОВЫ!!!!** И мне удастся избавиться, хоть на мгновение, хоть на доли секунды от его присутствия в собственных мыслях, фантазиях. Удастся прогнать Демона из моего разума....- Нет! Я не отдам свою душу, даже если обещаешь все блага мира Демон.- Тогда тебя ждёт Ад. Только Ад. И главным кошмаром в нем стану Я. Улыбка оголила острые клыки, такие опасные, , что невольно тело сжалось в огромный ком нервов. А ведь этот Демон мог и вправду сотворить жуткое, ужасающее... Он уже это делал. Мурашки то и дело бегали по коже, вызывая рябь страха. Он не тронет, ведь не тронет, пока я не дам свое согласие? Не сможет мучить меня вечно без соглашения.... Моего добровольного соглашения .. А соглашаться я не собираюсь. - Не трону твое тело, не трону твою душу, лишь поиграю немного с твоим сознанием человека. Совсем чуть-чуть, пока сама не захочешь это прекратить, дать свое согласие принадлежать мне. - Нет... прошу... Но было поздно, слишком поздно. Демон уже проник в разум, прорывая все преграды, проползая все

ниже, глубже, открывая все двери в мои личные кошмары.
«*К черту барьер слов, Демонам слов не надо...*» Глава 1.2317
Количество слов

Глава 2.

А мы не ангелы парень

Нет, мы не ангелы

Тёмные твари

И сорваны планки

Но, если нас спросят

Чего бы хотели мы?

Мы бы взлетели

Мы бы взлетели

(Алексей Понамарёв – А мы не ангелы, парень)

Громкая музыка разрывала пространство, пуская корни прямоком в барабанные перепонки. Голова шла кругом от каждой сыгранной ноты. Среди множественной толпы я скакала, словно сумасшедшая, выплескивая адреналин, создавая собственному телу настоящую разрядку.

Музыка!

Концерт!

Обожаю!

Этот прилив энергии, это буйство в теле, взрыв эмоций, полная сатисфакция организма. Один из способов расслабиться, забыть о заботах и проблемах, отдаться волнам истинного забытья. Только так я могу заставить себя отвлечься от всех жизненных хлопот и проблем.

Тяжёлые риффы разрывают пространство, барабаны об-

волакивают своим ритмом, гитары жужжат, изливают свои волшебные звуки прямиком мне в душу, и самое главное — голос. Он рычит в микрофон, вызывая мурашки по всему телу. Каждое слово, каждый крик, каждый буквально сводит с ума, заставляет ещё больше трястись среди таких же, как и я.

— Взгляни! Какой он потрясающий!

Едва улавливаемые слова в этом шуме доносятся до моего слуха, но я без сомнения понимаю их смысл. Глаза устремлены к темноволосому солисту, державшему двумя руками микрофон, застывшему в полусогнутой позе, рычащему настоящие демонические звуки.

Охренеть просто какой!!!

О да! Он и вправду потрясающий! Оборачиваюсь к подруге, разрываясь в широкой улыбке, молча соглашаясь с её словами! Вновь взгляд на сцену, и мысли невольно уносятся за грань реальности. Всего лишь на мгновение, но этого хватает чтобы почувствовать волну тревоги. Едва прикрываю глаза, чтобы вспомнить очередной страшный сон, пробудивший меня утром.

Мрак. Страх. Липкая паутина. И ещё что-то...или кто-то... тянет свои длинные пальцы ко мне. Нет, не пальцы, это отростки. Острые, жуткие, мерзкие, завивающиеся в опасные нити. Темнота подбирается ближе и ближе, поглощая свет, отнимая его у меня, а я хочу остаться, хочу прогнать темноту, спастись. И стоило начать отчаянно просить свет не покидать меня, как я проснулась. Пот так и прокатился по

спине, создавая колючки по коже, даже после того, как я открыла глаза и осознала, что это лишь сон, всего лишь злобная фантазия моёго раскалённого разума. А как иначе, когда ежедневно в наушниках звучат жуткие песни, а их клипы и вовсе могут вызвать шок у тех, чья психика не подготовлена для такой жути. Вот и сейчас жуть происходила на сцене. Солист пускал кровавые струи изо рта, выплевывая бутафорскую жидкость красного цвета прямо по подбородку. Жуткое и столь завораживающее зрелище.

Я любила этот мир чёрного металла в смеси с готическими нотками загробного мира. Обожаю отдаваться всецело этому темному ощущению внутри себя, когда вот так люблюсь всякими ужасами, зная, что это всего лишь ужасы. И мне нравилось окружать себя единомышленниками, такими же странными и такими же необыкновенными людьми. И пусть весь мир называет нас сумасшедшими, агрессивными и даже сатанистами, плевать! Я знала, кто я есть, а остальному миру я не обязана ничего доказывать.

В свои двадцать пять я была самостоятельной, самостоятельной, цельной личностью. Пусть даже и съёмная квартира, но главное, что отдельно от родителей. Пусть даже не самая престижная работа в книжном магазине, но приносящая достаточный доход чтобы жить и даже веселиться. Пусть днём я выглядела как обычная, среднестатистическая девушка своего города, но стоило мраку накрыть этот же город, как я тут же перевоплощалась в настоящую неформал-

ку, позволяя фантазии разукрашивать и наряжать моё тело так, как того требовала душа.

Стоя здесь, в толпе, одетая в чёрный корсет и кожаную юбку, увешанная цепями, булавками, заклёпками и прочими видами металла, я была счастлива. В компании лучшей подруги и такой же единомышленницы, как я, мы отдавались этой атмосфере всецело здесь и сейчас.

— Вживую он намного красивее, Амара! Ты только взгляни!

И я глядела, наслаждаясь каждой чёрточкой. Да! Красивый! И такой недоступный!

— Не мечтай, нас не пропустят за кулисы.

— Давай рискнём! Вдруг в этот раз тебе удастся уболтать охранника пропустить нас. Подмигнёшь ему, всё такое... Ты же это умеешь, Амааарааа!

А что Амара? Я же не всесильна! В прошлый раз удалось, и то, потому что наобещала охраннику много чего интересного, а потом ещё и от него пришлось убегать. Больше таких приключений мне не хотелось. Хватит с меня и так тревожностей.

— Нет уж, Лили, твоя очередь. А я подожду тебя снаружи.

Взглянув ещё раз на солиста, яро раскидывавшего в толпу прощальные слова со сцены, я двинулась к выходу. Долго не раздумывая, Лили тут же двинулась за мной, удерживая крепко за руку.

— Вредная... — шепча себе под нос, она шла рядом,

вздёрнув в обиде свой острый подбородок.

Мне не хотелось ссориться, как и не хотелось сегодня приключений. Хотелось одного – домой, домой, домой. И почему? Да потому, что хотелось одного – спать. Отдых — очень важный аспект моёй работы. Не отдохнул – встал злой, встал злой – работа не удалась. А меня ещё как назло день за днём мучили кошмары.

Видимо и в этот раз сну не суждено было быть спокойным. Стоило прикоснуться к мягкой подушке и прикрыть глаза, как вновь уже знакомое чувство захватило моё нутро.

Мрак. Страх. Липкая паутина ужаса.... И вновь это ощущение присутствия. Чужого, постороннего. Чёрт, как жутко, так жутко, что аж во сне чувствую, как стекают капли пота по лбу, заползая в ушную раковину, или это слёзы льются из глаз, когда тихий шёпот звучит где-то совсем близко и одновременно так далеко...

«Идём...со....мной»

Это не просто шёпот, это чудовищное шипение, зловещий зов во тьме. Нет! Не хочу! Не пойду! Света так мало, катастрофически мало, мрак уже повсюду, подобрался слишком близко, слишком давит на меня.

Нет! Нет! Нет! Очниииииись!

И вновь я просыпаюсь в мокрой постели, пропитанной собственным страхом, стекавшим по виску.

Да что за чёртовщина такая?

Соскакивая с постели, я тут же включила свет, освещая

тёмную комнату, убеждаясь, что в ней никого нет. Я одна, как всегда одна в этой комнате, в этой квартире. Вот только ощущение чего-то потустороннего так и не уходило, словно кто-то подсматривал за мной. Вот только это было невозможно!

Так! Амара, ты большая девочка, возьми себя в руки, выпей воды и быстро спать! И чем чёрт не шутит, когда играет с твоим разумом?

Но страх любит играть в запретные игры, обводя вокруг пальца сознание. Сны становились кошмарнее, а моё состояние тревожнее. Дошло до того, что я то и дело оглядывалась по сторонам, стоило выйти из дома, стоило темноте подобраться чуть ближе. Будь то темная комната, мрачный переулок или чернота в подъезде. Казалось, повсюду я могла слышать шорохи там, где их быть не должно, слышать шёпоты, где их быть не могло, чувствовать то, что ощущать человек не может. Этот холодок, смешанный с лёгким страхом и чуть большей паникой.

Утром приходилось вставать обессиленной, уставшей, словно и вовсе и не спала, а кутила всю ночь. День проходил тяжело, а к вечеру я валилась с ног от усталости, в надежде уснуть без кошмарных сновидений, вот только у моего разума на меня, видимо, были иные планы.

Что я знала о страхе до момента, когда он действительно зашкалил так, что уж точно мало мне не показалось.

Мрак. Страх. Липкая паутина ужаса.... Всё по стандарту,

каждую ночь, каждый чёртов сон, и я бы могла похвастаться тем, что уже привыкла видеть привычную картину, стоит моим глазам сомкнуться, а разуму провалиться в сон. Вот только нихрена я не привыкла. Все начиналось одинаково, и с каждым таким сном становилось всё хуже и страшнее. Всё по одному и тому же жуткому сценарию. Тёмные пальцы тянутся ко мне, закручиваются в острые нити, которые то и дело пытаются пробить свет, который то и дело окружает меня небольшим овалом. Чернота утыкается в яркие края, прорывая свет с каждым сантиметром, и я понимаю, что скоро мрак пробьётся, захватит всё тьмой.

Жуткий шёпот уже тут как тут, прорывает сознание со всех сторон — то громче, то тише.

«Идём.... Со... мной... ИДЁМ...идём...со мной Иииидём ...Идём»

Жуть жутейшая, страшно до невыносимости. Тени, они повсюду, выплывают свой дьявольский хоровод и мне так страшно. Не хочу знать, что там во мраке, и всё же глаза пытаются узреть, урвать хоть частичку, заглянуть во тьму, чтобы узнать, кто же там прячется. И стоило подумать о глазах, как они тут же распахнулись в темноте. Жуткие, злые, почти оранжевые. И вот она новая волна ужаса.

Нет! Не хочу! Не хочу знать, видеть, понимать! Грудь бешено вздымается, втягивает воздух, в то время как всё тело словно онемело, покрылось колючками. И я бы и рада была проснуться, вот только никак. Чёрт, чёрт, чёрт!!!! ОЧНИСЬ!

С каждым разом сон всё глубже, всё ужасающе.

«Идём со мной»

Мрак.....Страх..... Липкая паутина ужаса..... от осознания, что глаза мои распахнуты, смотрят в темноту и видят то, что видеть меньше всего ожидали. Вот она комната родная, знакомая до каждой пылинки, вот она я, лежу на кровати и странным образом не могу пошевелиться, и вот она тень. Большая, чёрная и такая жуткая! Хочу кричать, плакать, звать на помощь, но ничего из этого мне не удаётся сделать. Лишь обездвиженно лежать, смотреть и дышать.... Как такое возможно? Как можно спать и при этом быть в сознании? Или это сознание заставляет думать, что я сплю, и всё это нереально? Дурной, чудовищный сон?

В панике мозг начинает анализировать происходящее. Сон? Фантазия? Галлюцинация? Смерть? Быть может, я умерла, поэтому не могу пошевелиться? А это смерть пришла за мной? Да? Вон какая чёрная, с капюшоном, в балахоне, наверняка сейчас протянет свою костлявую руку ко мне, дотронется и мне кранты. Вот-вот и коса покажется из-за спины! Полоснет мне ею по горлу и всё, досвидули молодая жизнь.

Нееееет! Не хочу! Амара, проснись, проснись!!!

От подобных мыслей стало ещё хуже! Страх..страх...страх. ... сердце клокочет поразительно близко к горлу. А значит, жива!

Нет! Что-то другое? Не смерть, и не фантазия. Сонный

паралич! Точно! Я читала про это, и наверняка так впечатлилась, что и сама решила воспроизвести эти странности в своей голове? Но как это прекратить? Как сделать, чтобы эта страшная тень перестала приближаться? Как очнуться?

Вспомнила! Расслабиться, провалиться обратно в сон, или заставить себя шевелиться, очнуться, проснуться!

Но как бы ни старалась, не удавалось пошевелить и пальцем. И вновь страшно. Неужели я так и продолжу лежать? А что, если так и выглядит смерть? Тело умирает, а сознание остаётся заключено внутри?

Ужасики!!!

Чувствую как мурашки бегают по коже. Нет, всё же живая! Чувствую, дышу, думаю.

Мысли проносились одна за другой, пока голос не нарушил темноту и тишину.

Такой реальный, слишком реальный для сна...или фантазии. И всё же, разве он реален?

— Идём со мной.

Куда? Чёрт тебя побери! Не хочу я никуда идти! Хочу очнуться, а там и подумаем куда мне стоит идти, к психиатру или к священнику.

И стоило мне подумать, как голос вновь нарушил столь звенящую в ушах тишину.

— Тогда позволь остаться мне.

Да кто ты, чёрт возьми? Вор, накачавший меня наркотой? Как ты вообще мог сюда попасть? Живу я не на первом всё

же этаже, а дверь мою вряд ли взломают, если только ломом. Железная, прочная дверь всё же, как-никак.

И всё бы ничего, если бы тень не подошла ближе, почти вплотную, окутывая меня странной дымкой. И я не то что-бы её видела, скорее ощущала странный холодок, взбирающийся под одеяло, расползающийся по моёмu телу. ВЕЗДЕ! Мрак блуждал под одеялом, прижимаясь всё ближе, проходясь странной лаской по коже, от которой вздрагивали всё мои внутренности. Как же страшно, и одновременно Приятно? Я совсем сошла с ума, раз уж мой разум воспроизводит столь странные сны! Это ведь не может быть реальностью?

— В твоей голове очень уютно..... так уютно....

И вновь этот голос выплывает из темноты, словно говорящий лежит рядом, настолько рядом, что я чувствую каждое прикосновение. Это как если бы весенний ветерок ласкал твою кожу, нежно обволакивая каждую волосинку, каждую пупырышку на теле, пробегаясь нежностью от самой макушки головы и до самых кончиков пальцев. Приятно, невыносимо приятно ощущать, как ветерок стал приобретать уж слишком ощутимые твёрдости. Вот по ногам бежит лёгкость, поднимаясь всё выше, заползая под ночнушку, пробираясь выше по животу, оставляя рой мурашек, а когда коснулось груди, я ощутило почувствовала настоящеё прикосновение. Пальцы, ладонь, рука!

НАСТОЯЩАЯ, ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ, ЧЕРТ МЕНЯ ДЕРИ!

Да кто ты такой?

— Мираж... фантом.... Дрем. Твоя персональная фантазия. Я стану, кем захочешь.

И стоило хоть что-то всплыть в моей голове, фантазируя образ, как этот же образ стал приобретать руки, ноги, тело.... Вот только лицо по-прежнему окружала чёрная дымка, скрывая от меня главного гостя моего страшного сна.

Мамочки! Вновь страшно. Мурашки слишком активно бегают по телу, как и чужие прикосновения. Пытаюсь зажмурить глаза, прогнать это наваждение.... Вот только тело слишком быстро поддаётся расслаблению, слишком активно отдаётся этим ласкам. Страх исчезает, сменяясь Возбуждением!?

Амара! Приди в себя! Пора бы подумать о парне, раз уж собственные сны подталкивают тебя к весьма странным действиям!

Да что же это такое? Что происходит с моим телом? Разумом?

— Это сон... Сон... СОН... СОН ...

Слова отдаются прям внутри моей головы. Неужели это говорит этот потусторонний гость, или же это говорит мой мозг? Да впрочем какая разница, когда становилось так хорошо... слишком хорошо для реальности.... Нереально хорошо....и я была готова уже пойти за потусторонним гостем куда угодно, сделать что угодно, лишь бы это не заканчивалось. Никогда прежде мне не удавалось ощутить ничего по-

добного, нежели я чувствовала сейчас. Меня словно ласкали сотни маленьких рук, массируя каждый сантиметр моего тела, стекаясь всё в одну точку. А когда ощущений стало слишком много, тело пробила потрясающая, нереальная волна удовольствия, от которой я бы так и кричала во всё горло, будь у меня такая возможность.

— Идём со мной, и я дам всё, чего ты хочешь ...

И вновь окатившая меня волна удовольствия отнимает последние частички разума, заставляя растворяться в этом сумасшествии, в этом странном и реалистичном сне.

— Я исполню всё твои желания.... Дам всё, что захочешь... дам это — И вновь очередная волна заставляет задыхаться... нет, захлёбываться в наслаждении – Дай своё согласие, Идём со мной...

Согласие? На что? А к чёрту! На пике этого вихря удовольствия хоть душу Дьяволу!

Да! Сто раз да! Сотни раз дааа!

Но кто же мог знать, что моё внутреннее "Да" станет началом ужасов? Вот так вот я и продала ... Нет! Отдала свою душу жадному, коварному, свирепому, зловещему, алчному и кровожадному Демону. И откуда мне было знать, на что я соглашаюсь... Откуда мне было знать, что меня совратили. Да как вообще такое возможно в реальном мире?

Глава 3.

Утро показалось мне совершенно обычным, как и всё раннее подъёмы до этого. Чем закончился мой кошмар, я не помнила, да и не особо хотелось возвращаться к этому, ну уж очень странному сну. Жива, и уже хорошо.

Сонные странности?

Обязательно найду минутку загуглить причины и способы преодоления сонных параличей. А сейчас нужно бежать на работу, пока вновь не опоздала и не подпортила своё и так шаткое положение.

И я бежала, так быстро, как-только могла. Сперва в попыках я натягивала вещи, в бешеном темпе глотала горячий кофе и бутерброд, а затем так же быстро мчалась по дороге, чтобы успеть, успеть, успеть. И быть может я бы и успела, не беги я так быстро, не споткнись я о чёртов бордюр, и не вылети на чёртову дорогу, пока последние секунды красного светофора не отчитывали своё — три... два... один....

Больно! Очень больно. В тело влетает сотня килограмм калёного железа. Или это моё тело влетело в эту чёртову машину? Как бы ни было, но последней, что я запомнила, это жуткий хруст собственных костей и дикую, дикую боль.

И как я только могла вылететь на красный? Когда машины ещё гнали на скоростях по прямой дороге. Вот же идиотка! И так больно, больно.... Или уже не больно?

Наступила тишина, от которой заложило уши. Пространство вокруг исчезало, как и ощущение толпы, которая успела столпиться вокруг, раззявив рты. Кто-то громко кричал «Скорую!», «Полицию», вот только я улетала всё дальше и дальше, игнорируя все звуки. Бархатная лёгкость поглощала в себя, засасывала в мягкую бездну, где хотелось раствориться, позволить мраку, пустоте захватить меня, обнять своими ласковыми руками, прижать меня как родного ребенка, по которому так долго скучал этот мрак. Так хорошо, так спокойно, умиротворенно. Больше никакого волнения, тревог, забот, боли, страха, тягот. Больше ничего, кроме целительного спокойствия, покоя и...и...Резкого полета вниз, да так, что аж дух перехватывает. Огненные вспышки то и дело мерцают перед глазами, закручиваясь в разноцветные спирали. Да меня словно выворачивает наизнанку, ломают суставы, кости, потрошат внутренности. Слишком жарко, слишком тошно и слишком тесно. Почему так тесно?

Мрак.....Страх..... Липкая паутина ужаса...

О нет-нет... опять? Вот только на этот раз это всё не сон, и не фантазия. Все слишком реально. Слишком!

— Что происходит? Какого чёрта....

— Помяни Чёрта и он тут как тут.

Руки хватают меня слишком резко, слишком болезненно. Это точно не сон! И подчиняясь первым же импульсам стараюсь оттолкнуть незнакомца, вырваться из жутких лап, вот только уж слишком силен этот Чёртов потусторонний.

— Да кто ты такой? Ну... Отпусти....

— Слишком часто ты меня упоминала, вот я и пришел.

— Ты что совсём больной? Отпусти!

И я всё пытаюсь отбиться, игнорирую его слова, игнорирую до жути пугающее пространство, которое продолжает закручиваться темными вихрями, затягиваться серой дымкой. Игнорирую и то, что в его руках мои руки на удивление прозрачные. Такие прозрачные, что я вижу сквозь них туман. Мы словно стояли в пустом пространстве, где не было ничего. Нас окружал лишь дым, а мы парили.... Я ужаснулась, как-только взглянула под ноги.

— Отпущу, обязательно отпущу, вот только куда?

Хотелось вцепиться в него, ухватиться, как за спасательный круг, чтобы не провалиться в эту дымчатую пропасть. Что удерживало нас на весу, я могла лишь подозревать, но даже это не укладывалось в моей голове.

— Где я? Что со мной? Почему всё вокруг такое.... Кто ТЫ такой?

Я цеплялась пальцами за его одежду. Странную одежду. Глаза не запомнили детали, но успели урвать странные мелочи в его облике. Белая рубашка такая мягкая под моими пальцами, и одновременно скользкая, словно мокрая. Она свисает на нем балахоном, слишком широкая, слишком свободная. И эти чёрные брюки, отблёскивают так, словно из кожи, чёрной змеиной кожи. Божечки! Быть может вокруг происходит постановочный спектакль, а я забыла, как на него

попала? Быть может обкурилась? Чокнулась? Что ещё? Или быть может слишком приложились головой, когда влетела в ту чёртову машину?

Точно!

Это сон!

Пазлы начинали сползаться в одну стопку.

Меня сбила машина, я упала, ударилась головой, и сейчас вижу все эти странные вещи, этого...этого странного человека, и весь этот дым вокруг. Это вновь мой сон, тот самый сон! А когда приедет скорая, они смогут меня привести в чувства, и всё будет как прежде! Надеюсь хоть кости целые, не хотелось бы остаться инвалидом.

— Не мечтай, мечты в этом месте не сбываются. Это не сон, и не фантазия. Это твоя новая реальность. И поверь, твоё тело сейчас похоже на огромную грудку мяса, поломанный трупик, с бьющимся сердцем.... Пока что.

Опустив голову ближе, он почти прошептал эти слова, тем самым зловещим голосом из моих снов. Чёртов уродец. Ну уродец же?!

Пытаюсь сосредоточиться на его лице и понимаю.... Понимаю что снова жутко. Здесь слишком темно чтобы увидеть, понять. Слишком темно и страшно, слишком всё непонятно. И лишь глаза горят оранжевыми вспышками.

— Я не хочу здесь....хочу обратно. Проснись! Проснись! Проснись!!!

— Это вряд ли. Мы уже слишком далеко, чтобы ты смогла

вернуться.

И с этими словами он сжал слишком близко, слишком тесно, но оно и к лучшему, после того как я вновь ощутила столь явное падение, от которого захотелось кричать во всё горло, сжимаясь каждым мускулом в теле, и я бы кричала, вот только сознание не выдержало подобного давления, проваливаясь куда-то в очередной мрак.

Кусочки памяти всплывают в голове, соединяются в странную картинку. То свет мерцает слишком ярко над головой, под звуки басистых мужских голосов.

«Аккуратно... кладите.... Скорей... пульс.... Падает....»

То вновь мрак, в котором пульсирует звук. Именно пульсирует, передавая импульсы сердца через аппарат — пип... Пип....ПИП... Лязг стали, хруст костей, суeta вокруг. Хочу открыть глаза и не могу. Лишь слышу, как возятся люди кругом, передавая друг другу предметы.

Что черт возьми происходит?

И вновь темнота, мрак, звенящая тишина и странное спокойствие. Пытаюсь очнуться и всё никак не могу.

«Кома третьей степени, глубокая....»

Это у кого кома?

Хочу спросить и не могу. Или всё же могу? Удивляюсь, когда после моего вопроса над головой вновь проносится этот зловещий шепот.

— Мда... неприятненькое последствие когда тебя сбивает

автобус...

— Автобус? — как по инерции глаза распахнулись, обретая силу не только в тонких веках, но и во всём теле. Миллиметр за миллиметром тело наполняется силой, позволяя сжимать пальцы, двигать мышцами, владеть конечностями. Соскочила, как ошпаренная, оглядывая странную комнату столь яркого цвета.

Красный, пурпурный, все оттенки фиолетового. Вот точно в такой комнате с ума можно сойти, особенно когда не помнишь, как сюда попала. Голова слишком кружится, а мысли слишком быстро бегают, заставляя мозг активно думать.

Думай, Амара, вспоминай! Что последнеё ты помнишь? Утро... Дом... дорога.... Боль. Чёрт! И вновь чей-то смешок выбивает землю из-под ног, заставляет леденеть от испуга.

— Утро... Дом... Дорога и большой Зелёный автобус. Бум! И ты здесь.

— Где это «здесь»?

Я обернулась к сидящему в кресле человеку, уже чётко рассматривая его лицо, видя каждую чёрточку, каждую морщину, изгибы, бугорки и отметины. Все та же странная белая рубашка свободного покроя, расстёгнутая почти до половины груди, чёрные брюки и вправду из кожи....змеиной... черт как странно он выглядит в этой какой-то древней одежде. и эти волосы кажутся слегка запутанными, спускаются вдоль головы до плеч. Смотрю вниз. Ботинки весьма уве-

систые, грубые, с железными вставками на подошве. Сидит такой хмурый, деловой. Смотрит своими, весьма обычными глазами, и цвет вроде бы обычный, черт разбери какой, буро-жёлто-зелёный я бы сказала. Лицо светлое, вытянутое, возможно даже симпатичное, что нельзя сказать об огромном бежевом шраме вдоль левой щеки, от самого глаза и почти до подбородка. Слишком грубо! А может быть и привлекательно...

И как он умудрился его заполнить?

И вновь смешок, от которого как-то не по себе. Кто этот человек, что он тут делает? Что я тут делаю?

— Вы, люди, слишком суетливы, болтливы, озабочены и сверхэмоциональны. Всегда одно и то же... нескончаемое де-жа вю. Где я?..., что со мной?..., как я сюда попала?... и бесконечное Ла Ла Ла.... — он откинулся в кресле, не сводя с меня своего жёлтого взгляда. А мне хотелось ущипнуть себя, пробудиться ото сна. Мне чёртовски всё это не нравилось, то, о чем он говорил, и вдвойне не понравилось, когда он соскочил со своего места, приближаясь слишком быстро — Пройдем ускоренный курс человечка. Без долгого объяснения, слез, соплей, и прочего.... что там ещё из вас вытекает...

Почти молниеносно оказался рядом, так быстро, что глаза едва успели уловить его движения. Хватает слишком резко, слишком грубо. Ведёт за собой, особо не заботясь о том, насколько мне больно. Но боль ничто, по сравнению со столь

страшной галлюцинацией. Стоило подвести меня к окну, как я тут же попыталась отползти, вырваться из капкана его рук, вот только эти руки казались железными тисками, скобами, сковавшими меня, обездвижили, сжали в тиски.

— Добро пожаловать в мой мир, Человечка. — Шепот у уха заставил содрогнуться, ужасаясь внешним видом из окна.

Геённа огненная? Да! Та самая. Вот только в разы впечатляюще, чем я могла представить её в своей голове. Высокие горы простирались вдаль, восхищая своими высотами, вот только если на земле горы красивые, величественные, покрытые зеленью, или снегом, здесь же, пики полыхали яркими кострами, извергая огненную лаву, дым, и пепел. Лава стекала вниз, струясь в небольшие озера, где попадая в воду, тут же охлаждалась, под звуки бульканья и шипения. И эти озера столь чёрные, густые, словно сама бездна отражается в черных жидких водах. А ещё, эти звуки, извергающиеся из самой земли, из щелей, трещин, покрывавших оранжевую, потрескавшуюся землю. Звуки столь зловещие, столь мучительно страшные, что даже внутренности содрогались от страха.

А ещё это небо. Кроваво-красное, вперемешку с розовым и оранжевым. Совсём как наше, в последние секунды прекрасного заката. Вот только тут никакого заката и в помине не было. Нет ни солнца, ни луны, лишь затянутое красным маревом небо, переливающееся в столь яркие оттенки. Кра-

сиво, по-зловещёму красиво.

Я застыла, словно каменное изваяние, замерла на месте, боясь пошевелиться в его крепких руках. Что за чёртовщина такая? Настоящая Дьявольщина! Ты опоил меня? Одурманил? Это гипноз, точно. Слишком много красного, кровавого. Это наверняка капилляры в моей голове полопались, заливая сознание кровью. Точно! Кровоизлияние, вот и окрасилась вся моя фантазия в такой же цвет... Ужас...

И вновь смешок всёём над ухом.

— Какие странные мысли в твоей голове... Забавные... Даже как-то жалко тебя огорчать реальностью, человечка.

Обернулась, чтобы столкнуться с желтыми глазами, слишком интересными, даже я бы сказала — уникальными.

— Гипноз? Ввел меня в транс? В заблуждение? Создаёшь гипногаллюцинации, заставляешь рассказывать о них, поэтому ты знаешь мои мысли, так? Как иначе объяснить то, что ты отвечаешь на все мои вопросы, возникшие в мыслях?

— Не так.

— А как-тогда объяснить что ты меня слышишь? Боже... я же наверняка просто веду диалог сама с собой, пока мою голову не починят доктора... надо же. Никогда не думала, что мозг в коме продолжает выдумывать жизнь...

Я выискивала рациональность происходящего, пыталась сопоставить реальные факты, чтобы понять что же происходит, ведь это не может происходить в реальности.... Ад? Смешно... этого просто не может быть.

— Ещё как может.

— Да? И что ты за пешка в этом месте?

Истерически насмехаясь, я старалась унять панику и страх, выплескивая это в совершенно сумасшедший смех. Если я в аду, то он кто? Демон? Дьявол? Инкуб, сукуб, сам черт из табакерки? Кто там ещё есть?

— Твой личный кошмар.

Спокоен, слишком спокоен, и слишком серьёзный, в отличие от меня. Ему-то, явно не смешно, и наверняка не страшно. Стоит весь такой невозмутимый что даже жутко как-то. Что за игру ведёт мой больной разум, раз я здесь? И он здесь, и вся эта чёртовщина воссоздана моёй фантазией пока я в коме?

— Запугиваешь до смерти скромностью?

— Даже не приступил, человечка. Но знай -Я люблю ярость, пылкость, страсть, люблю утолять голод остервенением, с которым вы люди пытаетесь спастись от собственного страха. Люблю упиваться вами.

— И что же ты медлишь?

Впервые за всё время я смогла распознать на его лице улыбку, столь хитрую, слишком довольную, что даже как-то захотелось поверить в его слова, поверить в реальность происходящего. Шрам на его лице растянулся, поддался мимике, придавая этому мужчине и вправду хмурый, и даже суровый вид. Темные волосы распадались по лбу едва скрывая изогнутые в домик брови. И всё равно глаза так и тянулись

вновь-вновь рассмотреть его шрам на лице. Откуда он?

— Удивительно как вы люди умеёте фантазировать, рисовать то, чего нет. Я даже где-то вам завидую. Вы умеёте воспроизводить слишком красивые картинки, и сами же утопать в собственном обмане, дурманя разум, растворяясь в ощущениях. Умудряетесь видеть красоту даже там, где её и в помине нет.

Жёлтые глаза так и прорезали мои преграды, разрывая оболочку за оболочкой, проникая вглубь моёй души через глаза, опускаясь на самое дно, я это чувствовала. Не знаю как, но ощущала как ковыряется во мне, выскивает потайные углы души, ищет что-то нужное для него самого.

— Значит ты признаешь, что ты, всёго лишь плод моёго воображения?

— Создать красоту, по собственному восприятию, видению. И изуродовать её, самой же восхищаясь уродством — Он продолжал, игнорируя мой вопрос, напирая на меня, надавливая изнутри на то, что мы привыкли называть «собственное Я». Он поднял руку, прикасаясь к бежевому шраму, проводя пальцем по нему — Нравится? Хочешь узнать откуда он? Или сама придумашь? Прежде никто моёму образу не придавал столь видимые отметины. Родинки, пирсинг, рисунки, но не шрамы.

— Придавали, в каком это смысле?

— В таком, что вы смертные можете видеть лишь то, что позволяет вам увидеть ваш разум.

— Смертные, ты тогда кто?

Страх отступал, уступая месту интересу. Это разговор начинал завлекать меня, вызывая некий запредельный интерес. На что способен мой мозг, создавая весь этот странный мир? Создавая этого вымышленного мужчину?

— А ты как думаешь?

Пфф... я могу думать о многом, создавая как он и сказал фантазии, невероятных масштабов.

— Допустим ты мужчина созданный моёй фантазией.

— Бери масштабнее.

Масштабнее? Не вопрос.

— Чёрт, бес? Нечистый дух? Искуситель? Исчадие ада?

— Теплеё. Человечка.

— Демон?

— Пусть будет он... Демон.

И вот теперь мне хотелось усмехаться, поражаясь ходом своей бурной фантазии.

— Раз уж ты демон, почему же, я вижу тебя как обычного человека? Где же твоя устрашающая внешность? Где же те ужасы, обещанные адом? Удиви!

— А чтобы ты хотела увидеть? Рога? Хвост? Копыта? Быть может, мои крылья?

— Крылья? У тебя и крылья есть? Что ещё? Вторая голова? Собственный дракон?

Тут мне уже совсем хотелось хохотать в голос, не сдерживая своё сумасшествие. Демон? Крылья? Ад? Смешно...

— У меня есть всё. Но поверь, быть может однажды я покажу свой облик, но не сейчас. Ты видишь во мне то, что может выдержать твой мозг.

— О поверь, мой мозг может многое выдержать.

Невольно в голове так и вспыхивали все те клипы, которые я так любила смотреть по вечерам, упиваясь атмосферой крови, кишков, смерти, ужасов и мистики.

— Это вряд ли. Ты видишь меня таким, лишь потому что твоя душа не готова узреть моё истинное обличие.

— Душа? Думаешь я совсем неженка?

— Это нам ещё предстоит узнать человечка.

— Значит ты утверждаешь что твой образ это моя выдумка?

— Да.

— И ты вовсе не человек?

— И никогда им не был.

— Демон значит. Адский злобный демон.... В самой преисподней?

Смех, он всё же вырвался столь мощным напором, что я едва удерживалась на ногах, чтобы не согнуться пополам. Да он такой же чокнутый как и я. Даже хуже — воображаемое существо, с человеческим обликом но нечеловеческой сущностью. Вдвойне... нет, втройне стало интереснее.

— Докажи.

И уж лучше бы я не говорила этого. Стоило последним звукам выскользнуть из моего рта, как я пожалела о сказан-

ном, пожалела о своей дерзости и нахальстве.

Толкнул, так внезапно, так неожиданно, что я едва успела понять происходящее, когда крепкие руки вытолкнули из окна одним лишь движением, заставляя за секунды понять произошедшее. Вылетев, я падала в бездну, темную, страшную, ужасную. Летела так быстро, прорывая воздух своим телом, приближаясь к собственной смерти. Он убил меня! Вытолкнул из окна, за секунду отнял у меня всё, даря в ответ лишь страх перед смертью. И стоило зажмурить глаза, по мере приближения и столкновения с жёлтой, выжженной землёй, как тут же перед глазами возник всё тот же чёрный образ, в виде дыма, чёрного тумана, подхватывающего меня в метре от земли.

Крик, он застрял где-то в горле, образуя пузырь, давящий внутри гортани. Невыносимый страх покрывал каждый миллиметр моего тела, не говоря о внутренностях. Цепляясь в этот серый дым, я не верила что это происходит. Он удерживал нас на весу, совсем близко от земли, так близко, что я могла дотронуться до неё ладонью.

Сердце стучало так быстро, так порывисто, что казалось вот-вот выскочит наружу, размазывая капли бурой крови по сухой земле.

Опуская меня на землю он растворился, исчез в пространстве, чтобы вновь возникнуть в образе человека у стены каменного замка. Вновь смотрит своими желтыми глазами, на дне которых вспыхивают яркие огни. И лицо... его лицо.

Что-то в нем изменилось. Что-то исказилось, и теперь он выглядит иначе. Лицо всё то же, вот только черты в нем изменились, стали жёстче, грубее, выразительнее. Теперь я видела в нем что-то зловещее, чудовищное, нечеловеческое.

— Твое имя....?

— Думаешь то крошечное знание, которое есть у вас людей, даёт вам возможность познать хоть миллиардную долю этого мира? Думаешь, все те сказки, которые ты слышала, правдивы? Я могу иметь сотни имен, тысячи... но какое тебе будет по вкусу? Ну же, подари мне имя! Сделай. Меня. Реальнее. Чем. Я. Есть.

И вот теперь мои волосы по-настоящему ожили, шевелясь отдельными волосинками на моей голове. Голос, с которым он произнес последнее предложение не просто испугал, он словно ледяная рука, сжал мои внутренности, сковывая их холодом, покрывая льдом. Подобного мне не доводилось слышать даже в своих жутких песнях. В его тембре была собрана вся боль, печаль, отчаяние мира, все крики, стоны, страдания людей, соединяющихся в единый звук. Да у меня даже зубы задрожали, отбиваясь друг о друга. Смеяться явно больше не хотелось, как и испытывать то, что стояло передо мной. Даже если это всё и происходит в моей фантазии, мне больше не хотелось проверять глубину своего воображения, боясь что там, ниже, находится то, что и убить может. Не хотелось бы довести своё тело до инсульта собственным страхом, даже если я и застряла тут, в своей голове, пока тело

в коме.

— Божечки....

Его брови так и взлетели вверх в удивлении, придавая лицу некую искру... веселья?

— Таким именем меня ещё никто не окрестил. Сатана да, Дьявол, Люцифер, Азазель, Астарот, Вельзевул.... Но это... слишком даже для меня.

Мне больше не хотелось болтать с этим существом, не хотелось присутствовать при столь опасном диалоге. Сумасшествие набирало слишком яркие обороты, теперь не просто рисуя несуществующие миры и несуществующих существ, мозг перешел к опасным действиям, и теперь становилось страшно от того, что он мог сделать со мной... а вернее сказать с моим подсознательным «Я», которое ощущало всё так, как если бы я и вовсе была в собственном теле.

— Как насчёт привычного тебе имени? Может быть....

— Цефей...

— Цефей? — глаза сверкнули неким интересом, довольством ... — Да будет так. *"И сверкает он ярче других звёзд, и ведёт он путников по Млечному пути, указывая верный путь к вратам ада своего. Да осветит он своим пятиугольником дорогу в гиену огненную. Да будет Цефей, всёвластен и всесилен, да будет Цефей стражником неба твоего Амара"*

Мгновение, и вновь серый дым окутывает так быстро, что я успела вскрикнуть, прежде чем он взлетел со мной, унося обратно, к окну, откуда он и выбросил меня.

Чёрт! Как же страшно отрываться от плотной земли, терять контроль над пространством.

— И хватит столь чертыхаться. Уж поверь, эти существа намного гадливее меня. Смотри, никак призовёшь одного из них своим зовом, и эта встреча будет не столь дружелюбной, как наша.

Дружелюбная? это вряд-ли, скорее опасная, страшная и всёём нежеланная встреча.

Прикрыв рот двумя руками, зажмурив глаза, я молилась о том, лишь бы не упасть... вновь почувствовав это отвратительное ощущение. полета Что угодно, лишь бы не это. Мне не понравилось, и второй раз испытывать подобное не хочу!

Слышишь? Ты ведь слышишь да?

— Да.

— Ты в моей голове? Как ты читаешь мои мысли?

— Это временно, лишь пока твоя душа не укрепитя окончательно в этом мире.

Жутко, жутко, жутко... я вновь в сумасшедшей комнате, в обществе этого странного мужчины, обещающего мне что? ... Жизнь здесь? В Аду? С его, а вернее сказать с моими кошмарами?

— Как укрепиться? Ты имеешь в виду ...

— Смерть. Физическую.

— Я не хочу!

Хватаясь за его скользкую рубашку, впиваюсь пальцами, ногтями, словно готова прям здесь набить его нахальную

морду за столь страшный приговор.

— Поздно отказываться от того, на что ты уже дала своё согласие.

Лицо озарила улыбка, чёртовски довольная, самозабвенная, ликующая, делающая его лицо слишком сверкающим.

— Я не соглашалась, нет, нет, нет! И я не согласна!

Кричу ему в лицо, пока он позволяет вот так слишком смело держать его за ворот. Смотрит свысока своего двухметрового роста, рассматривает слишком глубоко. Опять в моей голове копошится, роется как червь, ищет что-то.

— Разве?

И в голове так и всплывает сон, самый последний, самый яркий, перед тем как всё это произошло...

"Хоть душу Дьяволу!"

Да! Сто раз да! Сотни раз дааа!"

Мамочки!! Этого не может быть...

— Ещё как может, человечка.

Жёлтые глаза вновь вспыхнули, отражая настоящие костры, в которых медленно полыхала я, разгоралась всё ярче, всё отчётливее, всё ощутимее...

Глава 4.

Огонь, он расползлся по коже так быстро, словно я была облита горячим маслом. Огонь поднимался по ногам и рукам, охватывая туловище, поднимаясь всё выше к лицу, волосам, опаливая всё за секунды. Запах гари, палёных волос и жареного мяса так и впивался в ноздри, заползал в рот, уши, глаза. Мои глаза! Они плавились, стекали бурой жижей по лицу, кожа струпьями падала на пол. Я таяла, словно воск, стекая к собственным ногам. Рот замер в немом крике, изрыгая всё тот же огонь, выплёвывая собственный язык... Зубы... они с треском падали на пол, постукивая о мрамор. Огонь проникал внутрь, расползлся по органам, вызывая не просто боль, АДСКУЮ боль, невыносимую. Каждая секунда казалась кошмаром, настоящим, страшным испытанием. Огонь опалял так больно, так ужасающе больно, и, кажется, нет ничего, что могло бы меня спасти, унять это отчаяние в душе, эти всепоглощающие страдания. И даже собственные фантазии не помогают скрыться от этого ужаса, от этого огня, который теперь даже там, в мыслях. Я горела даже в собственных мыслях.

Неужели это и есть ад? Неужели так полыхают души в адских кострах, чувствуя невыносимую боль вечно? ВЕЧНО... — это слишком долго...

— Ты даже не представляешь насколько, человечка.

Голос, жуткий и одновременно такой спасительный, отвлекающий, среди всего этого адского ужаса. Хочется схватиться за него, как за спасательную соломинку. Лишь бы выдержала, лишь бы не сгорела в этих жарких кострах. Демон. Спаси!

И вновь огонь с новой силой вспыхивает на моей коже, вновь опалая её, слизывая с кости мясо, поглощая и сжигая с новой силой моё тело... И когда я только успела восстановиться?

Вижу через разгоравшиеся языки пламени свою кожу, лопающуюся в огне... сползающую вниз к ногам. Вновь... Неужели этот кошмар может длиться бесконечно? Я буду вновь затягиваться, чтобы вновь и вновь, и вновь, и вноооовь сгорать в огне?

— Или ты можешь это прекратить.

Да! Я хочу это прекратить, слышишь, Демон? Прекрати!

Но боль с новой силой заползает в голову, выжигает своим огнём мозги, плавит мои мысли, стирает меня как личность, превращая в грудку жареного мяса.

— Сделка... человечка.

С Демоном? Не смешно! Любой в здравом уме понимает, что никакие сделки с чертями не заканчиваются хэппи-эндом. И пусть он даст сто лет счастливой жизни, а дальше? Да и вообще, как можно прожить эту жизнь, зная, что по итогу тебя ждёт вечность вот в этом опаляющем костре?

Но что, если есть Ад и адские костры, то, значит, где-то

есть и Рай со своими райскими садами? И каковы шансы попасть туда после смерти, а? И раз Демону нужно моё согласие, то может ли это значить, что, не дай я его, и моя душа взлетит к небу, порхать среди ангелочков и облачков?

Его смех прозвучал слишком громко, слишком впечатляюще, внедряясь в мозги, просачиваясь через мясо. Он хохотал так громко, и было в его хохоте нечто устрашающее, злое.

Огонь, он сползал. Всё ниже и ниже к ногам, оставляя моё тело вновь затягиваться, источая дым, смрад жжёной кожи. Боль отступала, с каждой секундой даря то самое облегчение, о котором я и мечтать не в силах была.

Я продолжала смотреть в его глаза, затянута его волей, с осознанием того, что этот чёртов ублюдок только что побывал в моей голове, создав все эти страшные видения.

На самом деле, я стояла перед ним совершенно целёхонькая, нетронутая теми ужасами, которые он мне показал. Кожа никогда не лопалась на моих руках, не сползала с кости, и я вовсе не горела, а лишь так думала...

Чёртов садист. Тебе доставляет удовольствие мучить меня?

Оголив в очередной раз острые, как у зверя, клыки, он расплылся в совершенно беззаботной улыбке.

— Я даже не приступил, человечка. Как я и сказал — это всего лишь ускоренный курс. Ознакомительный процесс. Но ты продолжаешь упорно отталкивать реальность, прячась за своими странными доводами, думая по-прежнему, что я

лишь плод твоей фантазии. Я реален. И могу показать тебе такое, о чём ты и в самых ужасных кошмарах представить не могла. Огонь — это самая малость.

— Чёрт... реален, даже слишком, — сердце всё никак не унималось, барабанив в груди. Страшно? Ещё как! Почему-то я ни капли не сомневалась в его словах, больше нет, уже рисуя в своей голове, какие ужасы может сотворить эта нечисть.

— Я чувствую, мыслю, осознаю, пытаюсь анализировать, дать оценку происходящему, найти рациональность во всём происходящем. Ты же неосознанное, скорее всего, причина подавленных воспоминаний, установок и желаний. А значит, я — сознание, а ты — моё подсознание! Мда... это жестоко даже для самой себя... Так изводить себя, создавая тебя в своей голове...

— Люди... — он обошёл меня, вновь устремляясь к тому самому креслу, где я его и увидела впервые. Усаживаясь, он вновь направил свой жёлтый взгляд прямым ко мне. — Слишком наивны, самонадеянны... До последнего ждёте чуда. Ваша надежда даже забавляет. Жалкая иллюзия, за которую держитесь, впиваетесь своими слабыми ручками, распалая моё предвкушение начать играть. Выискиваете объяснение даже там, где его нет.

— Давай начистоту. Чего ты хочешь от меня?

Лицо медленно расплывается в улыбке, да такой страшной, что я вновь стала покрываться колючками, съёживаясь

под его пристальным взглядом. Глаза слишком яркие, слишком сверкающие. А ведь он и вправду не человек. Нет. Теперь я это ясно вижу. Глаза сверкают слишком ярко, нереально. Радужка то и дело вибрирует, заставляя зрачок пульсировать ядовито-оранжевыми вспышками. А этот рот. Растянулся так широко, что почти достал до ушей!

Мамочки! Жуть в самом чистом виде. Так страшно, что даже боюсь пошевелиться, сойти со своего места, покрываясь крупными бусинами пота. Застыла в ужасе, как маленький ребёнок застывает, когда свет гаснет, а из-под кровати выползают самые страшные и опасные монстры, готовые утащить тебя в свой страшный мир. И всё же одному такому удалось утащить меня, вот только я уже давно не ребёнок и должна была бы перестать бояться чудовищ под кроватью...

Хочется бежать, прятаться, спастись от этого ужаса, вот только куда? Где можно спрятаться, будучи в собственной голове?

Но разве если ты создала этот мир, то, значит, можешь создать и другой? Менее... криповый... чем этот?

— Ду...ша... душа... душа... — шёпоты сотни голосов заполнили комнату, отражаясь от стен, прикасаясь к ушам, оседая в моей голове. Он продолжал выглядеть как самый страшный Джокер из фильмов ужасов, улыбаясь своей страшной улыбкой, не произнося ни слова. Его рот растянулся по лицу, ужасая меня происходящим. Голоса, много... слишком много. Шепчут так зловеще: «Душааа... отдай...

Отдай свою душу... отдай...»

— Нет! — Стирая тыльной стороной слёзы с лица, я всё же смогла найти силы отступить, дать отпор этим ужасам в моей голове, ведь они только в моей голове. Однажды я смогу очнуться, прийти в себя, чтобы понять, что всё это всего лишь иллюзия, стрессовый толчок, так сказать, дабы пробудить саму себя от комы...

— И что тогда? — Я видела, как медленно спускаются губы на своё привычное место, возвращая его лицу человеческий облик. — Заключённая в сломленном теле. Овощ. Без возможности даже пошевелиться. Обезображенная, изуродованная, надломленная. До конца своих дней прикованная к постели, бремя для своей семьи и для себя самой.

Я падала в бездну собственного воображения, видя все те вещи, описываемые им. Вот я лежу на больничной койке, под множественными трубками, аппаратом жизнеобеспечения, утыканная иглами, трубками, шлангами. Мать то и дело плачет над моим измотанным, в бинтах, телом. Мои глаза открываются, но жизни в них нет. Пустота... Неприглядный мрак. Тело изранено, почти уничтожено. Худоба покрыла тело, превращая конечности в жуткие скелетоподобные отростки. Живой труп, покрытый лишь кожей. Мышцы давно атрофировались и уже вряд ли когда-то смогут восстановиться. А я всё ещё там, внутри. Мыслю, понимаю, осознаю происходящее, но не могу ничего изменить, даже хоть что-то сказать, лишь жалобно мычать, как недоразвитый ребёнок.

Крик. Такой громкий. Мой? Вновь я возвращаюсь в свою альтернативную реальность, чтобы столкнуться с жёлтыми глазами и понять, что вновь позволила ему влезть мне в мозг, воспроизвести эти ужасы!!!

Кричу так громко, так пронзительно, что у самой звенит в ушах.

Ужасы, ужасы, ужасы!!!

— Нет... прекрати! ПРЕКРАТИ!!! — Бью себя по лицу, щипаю тело. Реакция есть, но я всё ещё здесь, с ним, в этом ужасе... — Это неправда... неправда... Что происходит...?

— А что тогда правда? Думаешь, я лгу?

Под звуки жуткого дьявольского голоса опадаю на пол, поджимаю собственные колени. Сжимаю уши, чтобы не слышать этот чудовищный бас, но он везде, слишком глубоко в моей голове, отражается чудовищным эхом, шепчет то, что слышать не хочу, и изгнать его из своей головы я тоже не могу, как и изменить эту болезненную фантазию в моей голове.

— Ты не настоящий, эти видения не настоящие, это всё не настоящее...

Мотаю головой, пытаюсь справиться с ужасающей паникой. Это всё иллюзия, моё воображение, страшный сон... страшный больной сон. Я всё придумала... придумала... Никаких демонов не существует, как и ада. Это лишь ужас в моей голове.

— И это не настоящее?

Я чувствовала, как что-то липкое соприкасается с одеж-

дой, впитываясь в неё холодом, вязкостью. Становится мокро. Рукой пытаюсь ощупать и понимаю, что пропускаю сквозь пальцы что-то клейкое, тягучее. Боюсь открыть глаза, даже когда чувствую чужое прикосновение, его прикосновение.

— Этого нет, ничего из этого нет...

Но он продолжал сжимать мои предплечья, притягивая к себе. И когда он успел подойти? Влага повсюду, словно он окунал меня в воду, всё глубже и глубже, вот только я знаю, что это вовсе не вода. Запах слишком резкий, пропитанный металлическими нотками. Этот запах можно узнать из сотни... тысячи других запахов. Как только первые нотки касаются обоняния, ты уже понимаешь на интуитивном уровне, чем пахнет. Рот наполняется омерзительной, кислой слюной, которую то и дело хочется сплюнуть, а в голове вспыхивают слишком алые картинки. В ходе эволюции человек приобрёл особую чувствительность к подобному аромату, как и другие хищники, которые улавливают запах крови на огромных расстояниях.

Он окунал меня в алую жидкость, продолжая хохотать шёпотом. Таким тихим и громким одновременно, нагнетая ещё больше жути. Я не просто тонула в крови, я тонула в собственном страхе с отчётливым запахом железа. Попытки вцепиться в демона казались тщетными. Я чувствовала, как его руки крепко сжимают меня, но вот вцепиться в него никак не получалось. Он словно был прозрачным, неосязаемым.

мым. Фантом без плотного тела.

— Открой свои глаза, человечка, и узри, что это всё реально. Твои самые страшные фантазии реальны, твои самые жуткие домыслы реальны, твой кошмар реален! ВЗГЛЯНИ! Я не плод твоего воображения, как и всё происходящее.

И под гнётом его властного, жестокого голоса я взглянула. Сперва в его большие, пульсирующие огнём глаза, а затем на огромное кровавое озеро, которому не было конца и края. Красные просторы на сотни и сотни километров отражали рябь по поверхности при каждом моём колыхании. Дна нет, лишь сильные руки, удерживающие меня в этом кровавом море. Отпусти он меня, и я уверена, что камнем пойду вниз. Нависая большой скалой, он стоял по пояс в крови, в то время как я утопала в ней по горло. Миллиметр за миллиметром жига поднималась всё выше, грозясь залиться во все открытые отверстия.

Так страшно, что даже не могу произнести ни слова, замерла в ужасе, в ожидании ещё большего ужаса, когда начну захлёбываться, впуская эту жижу в себя, чувствуя, как просачивается внутрь, как топит меня, убивает. И это вот-вот случится.

— Нравится смотреть, как утопают тела в крови? Как сочится алая жизнь сквозь разорванные тела, выпотрошенные органы, сквозь жидкие мозги? Пик, когда чувства в твоём брэнном теле трепыхаются, создавая извращённые волны удовольствия. Когда эмоции растекаются сладкой негой, по-

падая прямо в сердце адреналиновой стрелой, чтобы дать то важное чувство жизни. Я знаю... Вижу, с каким упоением ты наслаждалась этими ужасами, представляя своё участие в них. Я вижу, чего желает твоя душа!!!

Чёрт возьми, он словно описывал те самые фильмы ужасов, которые я и вправду любила смотреть по вечерам, наслаждаясь тем мучительно малым страхом, восхищаясь злом, принимая его сторону. Но сейчас зло стояло передо мной, и мне совсем не хотелось им восхищаться, поскольку жертвой стала я сама.

Демон...

— Позволь рассказать тебе сказку про кровавую Графиню, которая любила мучить своих жертв, перед тем как омыться в их крови. Однажды графиня ударила служанку, случайно выпустив ту самую живительную кровь. Капли попали на её кожу, и той показалось, что кожа стала моложе, красивее. Так и начались её зверства. Слышала про «Железную деву»? В ней жертвы графини истекали кровью, которая стекала в купель, где и омывалась Графиня. И она, так же как и ты, упивалась этим процессом, наслаждалась ужасами, содеянными ею же. Говорят, она до сих пор обитает в этих водах. Тонет, пропуская через себя алую кровь, пропитываясь ею насквозь. Ей всегда было мало... теперь же в её распоряжении целое море КРОВИ! Думаешь, это её ад? Нет... Она в раю... наслаждения. Её душа моя. Стоит ли сопротивляться? Подвергать себя страданиям, когда можно избежать

этих ужасов, когда я могу подарить тебе самое желанное...

К чему эти уроки истории, я не понимала, как и не понимала морали рассказа. Да и как понимать что-либо, когда твой разум занят лишь одним — страхом.

Цефей... Прошу...

— Одно твоё «да», и я обещаю всё, чего пожелаешь...

— Нет!

Пальцы разжались, отпуская меня в пучину этих красных вод. Смерд поглощал меня, окутывая отвратительной теплотой. Хотелось вопить во всё горло, да я готова была молить, лишь бы это прекратилось. Сжимаю губы слишком плотно, не давая возможности жидкости просочиться внутрь, но это невозможно, как и невозможно сопротивляться этим ужасам. В попытке выхватить воздух я всё же впускаю отвратительную жидкость, позволяю заполнить себя, пока отчаянно борюсь с водами, опадая на самое дно этого кровавого ужаса. Захлёбываюсь этой безысходностью, безнадёжностью. Чувствую, как катастрофически не хватает воздуха, как тело пытается вдохнуть, но вместо этого лишь затягивает жидкость в лёгкие. Барахтаюсь в попытке выплыть, но пучина продолжает засасывать всё глубже, поглощая мой разум, сознание.

Я обречена вечно плавать в этом ужасе, окутанная печалью, страданием. Приговорённая к самым страшным пыткам в этом звенящем вакууме. Вот только за какие провинности? Что я сделала такого ужасного, что попала в руки этого... этого...

В голове вспышками всплывали заповеди: не убей... не укради... не прелюбодействуй... почитай родителей своих... не лги... не завидуй... не создавай себе кумиров... верь лишь в Бога, ибо нет других богов...

Цефей...

— Мммм, — и вновь этот раскат грома прямо в самом центре моей тонущей головы. Он словно во мне, сросся с моим мозгом, расположившись на самых подкорках познания.

— Ты Дьявол.

— Я Дьявол. — И вновь слова отражаются столь мрачным эхом в голове, превращая мои мозги в жидкость от осознания слов. Я сплошной пульсирующий страх.

— Зачем тебе моё согласие, если ты и без него меня мучишь?

О боги! Боже... боже... боже...

А ведь и вправду зачем? Всё не так просто, да? Это не может продолжаться вечно, да?

И он молчал. Оглушая тишиной.

Воды отступали, просачиваясь куда-то вниз, утягивая и меня за собой в водоворот. Слишком быстро, слишком неожиданно, пока моё тело не соприкоснулось со дном, чтобы суметь оттолкнуться, выплыть наружу, выплюнуть алую жидкость, откашливаясь кровавыми каплями.

Ещё мгновение, и я снова в комнате. В той самой комнате, сижу всё там же у стены, пригвождённая оранжевым взглядом того самого Демона, сидящего в кресле.

Вновь эти игры с моим разумом, вновь эти страшные, слишком реалистичные видения. Вновь он проник слишком глубоко в мою голову, расковыряв очередную полку с моим собственным кошмаром.

— Ты не сможешь удерживать меня вечно, так? Поэтому тебе нужно моё согласие добровольно отдать душу, заключить эту сделку с Дьяволом...

— А ты весьма сообразительная, человечка. Но это не меняет того факта: откажись ты от сделки, и твоя жизнь всё равно превратится в ад. Сломленная человечка. Я показал тебе правду.

Он играет с моим разумом, создавая страшные картинки, навязывая ужасы. Нет, я не верю... Не верю...

— Твоя стезя — это ложь, Демон. И тебе не удастся сломить меня.

— Это мы ещё посмотрим, человечка. А пока... Хозяин поиграет со своей новой игрушкой... Амара.

Его кожа на лице стала лопаться, пропуская чёрные трещины, искажая столь человеческое лицо. А затем и вовсе кожа стала плавиться, создавая новый кошмар в моих глазах.

Превращаясь в огромного змея, он накинудся так внезапно, что я едва успела пикнуть, прежде чем провалилась в темноту, столь спасительную от ужасов темнот

Глава 5.

Я очнулась в собственной постели. В своей гребаной постели! Соскочила, как ошпаренная, скидывая на пол одеяло, путаясь в простыне.

Что же это?

Жадно бегаю глазами по комнате. Окно, кровать, комод, шкаф, привычные плакаты на стенах с теми самыми кошмарами, привидевшимися мне этой ночью...

Значит, всё же сон? Да? Слишком дурной и реалистичный... Смогла выбраться!

Надо же!

Сама удивляюсь, как такое возможно? Ад... Чудовища? Смешно! Выдумка, не более...

— Ха! Ну ты совсем ку-ку, Амара...

И тут же подхожу к той самой стене, где висят плакаты любимых групп, поражаясь сходством. Вот он, любимый плакат группы, смотрит на меня глазами черноволосой девушки, купающейся в той самой ванной... Наполненной алой жидкостью...

Жуть...

Неужели всё оказалось настолько просто? Мозг воспроизводил то, что висит в моей комнате, то, что изображено на картинках, которые то и дело ежедневно мелькали перед глазами...

А вот и плакат с полыхающим телом в костре... Кожа сползает с тела, развеваясь ошмётками, а вот и стекающие по лицу глаза...

Вот и плакат, изображающий очередную группу, стоящую на фоне жутких адских гор...

Шаг за шагом я отходила от стены, поражённая тем, насколько же всё было реалистичным. Слишком жутким, страшным для сна, и всё же это был сон. Я до сих пор чувствовала некое колыхание в груди, стоило вспомнить о жёлтых глазах Демона. Бррр... холодок так и пробежал по коже.

Душ. Холодный. Бодрящий. Хватит с меня слишком горячих ощущений. Кожа до сих пор помнила, каково, когда огонь блуждает по ней, поражая каждый нерв, причиняя невыносимо острые импульсы боли.

Кофе, такой ароматный, вкусный! Да я словно вечность не пила кофе. Дурманивший запах заставляет прикрыть глаза, втягивая столь потрясный аромат свежесваренного кофе. Ммммм...

Но стоило сомкнуть веки, отдаваясь столь потрясающему удовольствию, как вспышкой перед сомкнутыми глазами сверкнули оранжевые зрачки. Всего на долю секунды увидеть этот ужас, и этого достаточно для того, чтобы вздрогнуть, вновь ощутить прилив жгучего страха, как и импульс боли на своих пальцах, когда горячий кофе выплеснулся из кружки, обжигая кожу, отвлекая от того, что так мимолётно проскользнуло в мои мысли. Какие, к чёрту, глаза, когда го-

рячий кофе так больно обжигает.

— Чёрт...

Стрелка на часах медленно движется по циферблату, сосредотачивая моё внимание на отвратительном тиканье. Тик... тик... тик... И когда эти часы стали так громко звенеть? Никогда прежде не замечала... Впрочем. Тревожные сны предвещают тревожный день. Пора!

Накидывая свою любимую джинсовую куртку, я выпорхнула из подъезда, мчась к остановке. К той самой остановке. Чёрт!

И вновь странное чувство лёгкой паники, которая ещё не успела поразить мозг, но уже достигла сердца, заставляя орган барабанить чуть быстрее обычного. Ощущение чего-то опасного, тревожного... как будто что-то должно произойти или уже происходит? Осматривая людей на остановке, я замедлила ход, оглядываясь по сторонам. Ничего необычного, ничего подозрительного. Обычное утро, с обычными людьми, с привычным для большого города движением. Все куда-то спешат, мчатся, игнорируя окружающих, и лишь я одна замерла на минутку, всего лишь на минутку, чтобы оглядеть всю происходящую суету. Обычное утро со своим обычным началом.

Но чем ближе я подбиралась к остановке, тем сильнее становилась тревога, окуная меня в то, что так молниеносно ускользало от моего разума. Что же это...? Светофор маячит красным, а я всё никак не могу вспомнить то, что крутится

на подкорках мозга, то страшное, что должно произойти или уже произошло... Да и к чёрту. Зелёный!!!

Бегу как угорелая, в одном темпе со всеми теми, кто так же торопится на работу.

Опоздала... как всегда. Стоило переступить порог магазинчика под звонкий гул колокольчика, как глаза недовольного шефа уже метнули искры в меня.

Чёрт... Опять будет выговор или что похуже... Вечно он недоволен чем-то...

— Доброе утро, Фредерик. Прости, я опоздала...

— Опоздала? — Поднимая левую руку, мужчина посмотрел на часы, растянувшись в, НА УДИВЛЕНИЕ, широкой улыбке. Всегда хмурый, он впервые показался подозрительно довольным. — Вовремя как никогда!

Выпил, что ли? Хряпнул с утраца алкогольного смузи, дабы взбодриться и смягчиться?

С подозрением достаю телефон, удивляясь заставке, на которой светилось белыми цифрами время. Не просто вовремя! За десять минут до того самого «вовремя». Это как так?

— Ты не представляешь, насколько у меня хорошие новости!!

Фредерик метнулся из-за прилавка, подбегая ко мне, помогая галантно снять мою скромную курточку, помогая повесить её. Двигаясь за мной по пятам, как щенок, он буквально сиял от счастья.

— Насколько...?

— На все сто... — Развернув меня лицом к себе, он вытянул обе ладони перед моим лицом, продолжая сиять от счастья... и петь:

«Добро пожаловать в заброшенные земли!

Заходи, дитя; возьми меня за руку.

Здесь нет ни работы, ни развлечений,

Лишь расплата по счетам.

Я скажу тебе только пять слов,

Пока ты спускаешься вниз, вниз, вниз:

«Ты будешь гореть в аду»...

Поёт так забавно, задористо. И голос вроде как приятный. Только вот при чём здесь песня группы? И при чём моя любимая!

— Вышел с концерта, но концерт не покинул тебя? Что...? Никак увлёкся тяжёлой музыкой?

Осматривая слегка сумасшедшего босса, я всё никак не могла понять, к чему он клонит? При чём здесь эта песня? Про Ад...

Ад...

Ад...

Ад...

Даже стало не по себе от выбора песни. И почему же он спел именно её? И вновь вспоминаются эти жуткие глаза... хотя уже и не такие жуткие... Правда, что необычные, жёлтые... И чьи они? Не могу вспомнить...

— А дело в том, что мой магазин ждёт грандиозная популярность, деточка! Слава!

— Да? Будете радовать посетителей своими вокальными данными? — Подмигивая, я старалась как можно дальше отстраниться от лёгкого сумасшествия мужчины. Он был явно придурковат с самого утра.

— Не я! Они... — Явно придурковат, со своими вздёрнутыми вверх руками и головой, словно в молитве невидимому Божеству. Точно крышей тронулся...

— Они? — Взглянув мельком наверх, куда был устремлён его взгляд, я вновь уставилась на него. — Кто...?

— Мне поступило предложение! Да такое, о котором я и не смел мечтать. Они приезжают в наш город и выбрали для презентации мой магазин, представляешь!! Предложение просто отличное, взаимовыгодное! Афиши уже печатаются!!! Встреча с фанатами здесь, прямо здесь, в моём магазине! Нашему магазину выпал шанс представить фанатам эксклюзивную книгу «In Sorte Diaboli», представляешь????

Он тараторил так быстро, так невнятно, но суть я всё же уловила. Группа выбрала наш магазин для презентации своей книги, чёрт побери!!!

Я слушала его, не веря в услышанное. С каждым словом мой рот открывался всё шире и шире, роняя челюсть себе на грудь. Чтооооо... Моя группа... моя любимая группа здесь, в моём магазине?

— Ты же не шутишь?

— Какие тут шутки, на кону стоит моя популярность! Да мы так прославим наш магазин, что читатели толпами будут биться к нам в дверь. Амара! Это джекпот!

Да, уж точно джекпот, да ещё и какой. Повезло так повезло. Внутри всё полыхало радостью, да так активно, что, казалось, я вот-вот взорвусь от счастья, разлетаясь ошмётками по стене. Да что уж говорить, хотелось скакать на месте, выплёскивая адреналин, который слишком быстро накапливался в организме.

Да и что сдерживаться? Всё же подпрыгнув на месте, я вцепилась в Фредерика, пища от радости вместе с ним. Как два болванчика, мы скакали у стойки, улюлюкая, пока первый клиент не прервал наше душещипательное счастье.

Весь оставшийся день я порхала от счастья, не веря в собственное везение. Каковы были шансы, что из сотни городов, из тысячи магазинов моя самая любимая группа выберет именно нас? Шанс один на миллион, и всё же он улыбнулся нам... Мне!

Сколько лет я мечтала попасть на концерт этой группы... сколько???? Так много, что и считать не буду. Группа казалась нереальной, запредельной, выступающей везде, кроме места, где жила я. Возможности поехать в другие страны у меня не было, как и попасть на их концерт. А тут такое... гора решила сама навестить Магомеда. Да не просто навестить, завалиться своей мощной кучей прям в дом. Засыпая тяжёлыми камнями. А я не против! Засыпьте меня собой!

Засыпьте так, чтоб аж дышать тяжело было от эмоций!!!

К вечеру у магазина уже стояла огромная афиша с датой того самого жданного дня. Баннеры, плакаты, расклеенные по городу, предвещали грандиозное выступление группы и презентацию книги в магазине под названием «Magic shop».

Щёлкнув на телефон просто огромнейший баннер, я тут же отослала фото той, кто будет в не меньшем восторге, чем я!

Лили. Её звонок не заставил себя долго ждать.

— Амара! Это же потрясно!

— И даже больше. Презентация книги в «Magic shop».

— Да ладно? Ты серьёзно?

— О да!

— Повезло так повезло! А сам концерт? Ты же хочешь пойти?

И тут же на другом конце трубки Лили затянула рычавшим голосом:

«Загляни себе в душу и скажи, что ты видишь.

Там мрачно и темно, ты хочешь, чтобы было так?

Тебе решать. Твои действия определяют твою судьбу.

Делай выбор сейчас, потому что завтра может быть слишком поздно».

А затем тихим шёпотом добавила:

«А потом ты будешь гореть в аду».

Тихо ей подпевая, я наслаждалась лишь мыслью о том, что смогу не просто пойти на их концерт, услышав эту песню

вживую, я смогу постоять рядом, притронуться, поговорить с моими кумирами!!!! Конечно, я хочу!!!!

Да!

— Это шоу мы точно не пропустим! Будем гореть вдвоём!

К ночи два билета на блэк-метал-концерт группы были куплены. Просто поразительное везение. Обычно мы с трудом выбирались с Лили на концерты, выбивая билеты через третьих лиц. А тут настолько всё удачно, как никогда, что самой не верится.

Закрыв ноутбук, я легла в свою мягкую постель, чтобы провалиться в сон. От былых тревог и страхов не осталось и следа, лишь томительное волнение предстоящей встречи.

Вот бы время шло быстрее!

И словно по щелчку я очнулась с тяжёлым сердцем, kloко-чушим от волнения, приятного волнения. День X настал... и не имеет значения, как я так быстро перескочила, ничего не имеет значения, кроме предстоящей встречи. Сколько дней прошло?! Как они прошли? Неважно. Ничего не так важно, как встреча с кумиром!

Вырядившись в своё самое шикарное платье, я мчалась туда, где должна была состояться встреча.

Волнение настолько зашкаливало, что, казалось, воздух закончился во всём городе, каждый вдох даётся с трудом, заставляя прилагать усилия, чтобы втянуть кислород. Волнительно! Как же волнительно стоять в магазине, ждать появления группы! И с какой силой же взрывается всё моё нут-

ро, когда под дикие вопли фанатов из чёрной машины вышел первым бас-гитарист, сияя своей специфической внешностью. Надевая солнечные очки, поправляя свою чёрную майку. Широко улыбаясь толпе, проталкиваясь сквозь неё к стеклянной двери магазина, он уже входил, заставляя меня трепетать. Следом проталкивались и другие члены группы. Вот идёт барабанщик, такой серьёзный, брутальный, а вот и гитарист демонстрирует свою длинную косу. Последним машину покинул Он... Идеал моей красоты. Солист...

— Охренеть...

Роняя вновь челюсть, я всё никак не могла собраться с мыслями, любуясь красавчиком. Ну Бог... Аполлон... Мрачный принц тёмного мира! Длинные чёрные волосы развеваются на ветру, опускаясь ниже плеч. Лицо без привычного грима такое красивое, и эта тонкая козлиная бородка, как же ему идёт! В своей тёмно-зелёной джинсовой рубашке пробирается сквозь толпу, улыбаясь каждой красотке. А мне хочется, чтобы взглянул на меня, заметил ту, что стоит скромно в углу, заглядывая ему в рот сквозь непроглядную толпу, ту, что так яростно прослушала все их альбомы до дыр.

Я!

Посмотри на меня, взгляни хоть мельком... и он взглянул, одарив всё той же потрясающей улыбкой...

Жар, он опалил меня им, взглядом своих серых глаз. Хотелось растечься лужей к его ногам. И я растекалась. Вновь и вновь, как только его взгляд возвращался ко мне. Сердце

трепыхалось, как рыба на суше, ударяя изнутри своим острым хвостом рёбра. Да я сама не верила в подобное... Увидел, заметил, среди толпы смотрит.

— Амара, ты только глянь, как бросает свой взгляд на тебя. Ты должна подойти!

И я хотела этого, очень. Только как-то смущение брало верх. Что ему сказать? Да я краснела при одном его взгляде, не говоря о том, чтобы подойти...

Сидит среди членов группы и их продюсера. Подписывает купленные книги, раздаёт автографы, фотографируется с фанатами. А я стою... и трушу... Нет уж!

Хватая Лили за руку, я всё же набралась смелости встать в очередь, сжимая в руках один из экземпляров книги, содрогаясь от дикого волнения. Чёрт, как же я волнуюсь! И это ещё даже очередь не подошла!

— Лили, готовь телефон и сфотографируй нормально, ладно? Не трясى телефоном, как в прошлый раз.

Но я сама тряслась как банный лист. Ноги подкашивались, сердце слишком ощутимо стучало, вызывая колючие волны в груди. И как только дошла очередь и до нас, я встряла! Да так, что перестала чувствовать собственное тело.

Сидит так близко от меня. Смотрит столь пронзительным взглядом. Вижу, как проглядываются чёрные татуировки из-под рубашки, вижу, как вздымается его грудь, как колыхаются чёрные волосы, смотрю на губы, которые уже растягивались в улыбке. Широкий нос, серые глаза... и чертовски кра-

сивые. Лили так и тянет меня к столу, а я, не спуская взгляда с него, подхожу ближе, протягивая новенькую книжку. Рука дрожит, так дрожит, что едва удерживает книгу.

Тянет свою, хватает твёрдую обложку, отбирая экземпляр, не сводя серых глаз. Перелистывает обложку, готовясь мазнуть по ним своей чёрной ручкой.

— Как тебя зовут? — Голос бархатный, приятный... до дрожи приятный.

Под лепетание Лили солист группы обращался ко мне, игнорируя слишком шумную подругу, игнорируя всех в этой комнате. А я молчу, словно мне язык отрубили раскалённым кинжалом.

— Амара... она Амара... подпишите для неё. — Видя мой конфуз, Лили пыталась говорить за нас двоих. — Можно я вас сфотографирую! Амара, улыбочку.

Опираясь о стол, я попыталась склониться к солисту, как тут же почувствовала мужчину рядом. Встав со стула, перекинувшись через стол, он приблизился так близко, что я ощутила тепло, исходящее от его тела... не просто тепло, Жар! Пожар!

— Красивая!

От тихого шёпота над ухом закружилась голова. Неужели это он мне? Обернувшись, я почти соприкоснулась с его лицом. Стоит так близко, что я могу ощутить его дыхание на своей коже. От такой близости стало ещё хуже, коленки затряслись в такт сердцебиению. Орган так и пытался выпрыг-

нуть через рот. Пришлось даже губы сжать покрепче, чтобы не опозориться прям здесь, выплёвывая собственное сердце. Выдавив улыбку, я выпалила:

— Как и ты!

«Как и ты?» Боже, Амара! Ты серьёзно? Это всё, что ты придумала сказать своему кумиру?

Но зачем нужны слова мне, когда мой кумир взял всё в свои руки?

— Амаре... — Подписывая книгу, начиная с моего имени, он продолжал рисовать чёрные строчки, заставляя гореть всё моё тело... «Амаре, с огромной благодарностью за преданность нашему творчеству!» — И чуть ниже, совсем мелким шрифтом была добавлена надпись, которую я сумела прочесть лишь после того, как отошла от его столика. — «Позвони мне, красотка!»

Номер.

Чёрт побери, он написал мне свой номер? Я не верила! Как такое могло произойти?

— Амарааааа, это его номер! Представляешь!

Лили прыгала, визжала, а я застыла в своих мыслях, медленно приходя в себя. Вот это поворот! Вот это происшествие! Да со мной в жизни ничего лучшего не случилось! А тут и группа любимая, да ещё и солист заметил меня. Точно чертовщина! Бесятина! Или всё же везение?

Дрожащими пальцами вбиваю номер в телефон, жму кнопку вызова...

— Что ты делаешь? — Лили шепчет над ухом, а я продолжаю ждать.

Прикладываю мобильник к уху, прежде чем обернуться лицом к тому самому солисту группы. Вот пошёл гудок. Второй. Третий. Вижу, как достаёт из внутреннего кармана мобильник. Смотрит на номер, прежде чем поднять глаза и вновь взглянуть на меня, да так пронизывающе, что тут же нажимаю кнопку отбоя, прекращая свой звонок под звуки страшного пения, его пения:

«Не слушай ничего злого,
Не смотри на зло,
Не приписывай никакого зла мне.
Не говори никакого зла,
Не думай ни о каком зле,
Не играй со злом, потому что я свободен.
Ты будешь гореть в аду».

Паника. Липкой паутиной расплзается от самого сердца по жилам, по венам и сосудам, создавая жгучую сеть в туловище. А по этим же венам уже разливается страх, набирая слишком большие обороты, чтобы врезаться на скорости в мою голову жутким осознанием. Гипнотизирует своим взглядом, улыбается своей пронизательной улыбкой, волнуя все мои внутренности, заставляя наконец вспомнить... Понять весь ужас происходящего. Одна доля секунды, и шквал страха накрывает, как цунами, снося мир из-под ног, закручивая в водовороте ужасающего понимания.

Игра!

Чёрт побери, очередная игра разума!

Жёлтые глаза продолжают смотреть на меня с лица моего кумира, превращая это же лицо в скверну...

Нет! Нет! Нет! Последнее, о чём успеваю подумать, прежде чем вновь очнуться там, где меньше всего этого хотела. Худший из худших кошмаров — поверить, что твой ад был лишь страшным сном, а затем понять, что, оказывается, ад вовсе не сон, жуткая реальность, в то время как реальность оказалась обманом, его очередной игрой в моём разуме. Реальность вот она, здесь, в этой комнате, в жёлтых глазах того самого Демона.

— Изыди! Прочь из моей головы! Зачем... зачем ты это делаешь?

— Одно твоё пожелание, и я верну тебя туда, превращу в явь все твои фантазии. Я знаю, чего ты хочешь... Вижу это в твоих мыслях... Я могу дать тебе жизнь твоей мечты, Амара... И даже больше...

— Нет! ПРООООЧЬ!

(Cradle of Filth — английская метал-группа)

(Burn in Hell — исполнитель Dimmu Borgir, норвежская группа, играющая в жанре симф

Глава 6.

Жизнь мечты — звучит заманчиво, безумно привлекательно. Одна мысль о том, что я и мужчина моей мечты... вместе. Встречаемся, влюбляемся, воссоединяем нашу жизнь. В голове так и проносятся молниеносно картинки первой встречи, пылкой любви, нежных ласок, огненной страсти. Вот он шепчет так нежно, что любит... Вот он преклоняет колено, надевает колечко мне на палец... Чтоб в следующее мгновение увидеть себя в белом платье, сверкаю в нём, словно звезда. Белоснежная фата прячет счастливое лицо. Сердце готово остановиться от красоты моего жениха...

— Жизнь мечты... я подарю тебе её... я подарю тебе «его». Взгляни. Такой крепкий... в расцвете сил... Молод... и так красив. Он будет любить тебя больше жизни, носить тебя на руках, сдувать пылинки. Он подарит тебе настоящее счастье... Смотри!

И я смотрю ему в лицо, наслаждаясь его красотой, чувствуя, как сжимается сердце от трепета. И я счастлива стоять здесь, у алтаря, рядом с мужчиной своей мечты, отдавая ему своё сердце, своё тело...

— И в горе, и в радости... Согласна ли ты, Амара, отдать свою душу тому, кто будет любить её вечно, кто будет холить и лелеять её, как своё дитя, заботиться о ней, пока смерть не разлучит вас?

И я почти купилась на эту удочку, разжимая губы, желая произнести то самое заветное «да», вот только заветное не для меня, а для него... Жёлтый блеск в глазах заставил взбодриться, как от жёсткого удара тока. Сотни вольт пробивали тело, отрезвляя мозг. Вырвав свою руку из его руки, я тут же отшатнулась, вбиваясь спиной в каменный алтарь. И нет больше никакой красоты в этом месте, где всего мгновение назад всё сияло белыми лентами и цветами. Ленты окрасились в траурный цвет, в то время как цветы увядали на глазах, превращаясь из прекрасных бутонов в серые, сухие палки. Лепестки опадали пылью и пеплом. Слышу, как под ногами хрустят черви, извиваясь на моих столь красивых туфельках. Повсюду грязь и смрад гари впитываются в подол платья, окрашивая белое в грязное... А он продолжает стоять, превращаясь из красивого мужчины моей мечты в жуткого демона. Вот чёрные волосы стали короче, меняя облик. Вот лицо уже прорезает тот самый жуткий шрам, изменяя черты его лица. Вот синие глаза уже превратились в жёлтые, сверкая своей мощью.

Цефей. Злобный, жестокий демон! Хватит играть со мной!

— Это нечестно... ты... обманом хотел выманить из меня согласие? Грязно играешь, Демон!

Мы вновь в комнате, в той самой чёртовой комнате, слишком разноцветной, ядовитой... начинаю ненавидеть эти пурпурные цвета на стенах.

— Кто решает, что честно, а что нет? В борьбе все средства хороши.

— В борьбе, где у тебя преимущество в виде своих магических штучек? Я же не обладаю ничем подобным. Неравные силы, не кажется?

— С тобой ровняться силой я и не намерен. Дай мне, чего хочу я, и я дам того, чего хочешь ты... Дай согласие, и я обещаю: в ближайшие семьдесят лет ты меня не увидишь!

Пытаюсь сосредоточиться на Демоне, на его присутствии. Чертовски пугали его игры, как и то, с какой ловкостью он искажал реальность, заставляя подчиняться его лживой иллюзии. Вот я стою здесь, чувствую твёрдый пол под ногами, а через секунду могу уже стоять в совершенно другой реальности, думая, что существует лишь она... Слишком жутко даже для моего восприятия.

— И чего же я хочу, Демон? Душу в обмен на что? Яркую жизнь? Богатства? Пылкую любовь? Слишком примитивно берёшь, Цефей. Будучи человеком, я и сама могу этого добиться, без твоей помощи. Что можешь дать ты, чего я не смогу добиться сама?

Всё же пытаюсь противостоять ему, бороться с его иллюзиями, ведь всё не так просто для него, раз он продолжает испытывать меня, добиваясь своего.

— Я могу дать тебе жизнь, человечка. Отсрочку... прежде чем...

— Боюсь, мы не сойдёмся в мелочах. Я хочу лишь одно-

го — избавиться от тебя, Демон, жить, зная, что моя душа принадлежит лишь мне.

— Желаете прозябать молодость в своей квартире, волоча унылую жизнь в инвалидном кресле? Среди людей, которые будут оглядывать тебя с сожалением и состраданием, в то время как сами будут продолжать жить по-настоящему. Любовь? Богатства? Боюсь, тебе уже не добиться своих мечтаний, человечка. Твоё тело изломано, изранено и никогда не сможет восстановиться... Тебя спасёт лишь чудо!

Его улыбка... коварная улыбка растянулась на лице. Чёртов демон выглядит слишком самоуверенно. И если он хотел напугать меня, то приз в студию, ему это с превосходством удалось.

— Ложь! — А у самой дрожат жилки под коленками. И почему же?

— Я могу изводить тебя иллюзиями, могу ковыряться до бесконечности в твоей голове, выискивая самые жуткие образы, могу питаться твоими эмоциями... страхом... гневом... могу создавать картинки, образы, но никогда... Слышишь меня, человечка, НИКОГДА не стану лгать. В этом будь уверена. Ложь... она для низших.

Дрожит всё тело потому, что его слова не казались мне ложью. Ни мне, ни моему подсознательному, ни моему неосознанному «я»... Злобный Цефей... был слишком красноречивым.

— Я тебе не верю...

Он подошёл близко, так близко, что я вновь вжалась в стену, ожидая чудовищного внедрения, адского вскрытия моего мозга.

— Часть тебя продолжает отрицать, я это вижу. Но вот другая... Она уже всё поняла, почувствовала весь этот ужас, впитала его со страхом. Ты останешься здесь, Амара. Здесь, нравится тебе это или нет.

Его рука скользнула по волосам, убирая выбившуюся прядь мне за ухо, открывая лицо. Столь скромный жест, а я уже покрываюсь странными волнами. Его касание едва ощутимое, а я готова была поклясться, что почувствовала его прикосновение изнутри. Словно он влез под кожу, в само мясо, заставляя трепетать каждую клеточку. Чёртов демон!

— Ты так и не ответил, где это «здесь».

Пытаюсь держать голос стойко, а сама готова уже растечься от страшных таких прикосновений. От слишком напористого внедрения. И почему мой разум вновь уносится в ту ночь, когда мне было так хорошо... Это мои воспоминания или опять его внедрение... Чёрт тебя дери, Цефей...

— Это загробный мир, Амара. Мой мир теней, пристанище мёртвых душ, и ты одна из них...

— Ты сказал, что я не мертва!

— Да. И именно поэтому ты остаёшься *гостьей* в моём замке... пока что.

Он отступил. Наконец он отступил, разрывая столь тесный контакт, освобождая от своего слишком мощного напо-

ра. Цефей отходил, передвигаясь странным образом в пространстве. Словно вибрируя, или это он специально создавал рябь в моих глазах?

— Что, если я не соглашусь?

— Думаешь, отдать свою душу мне — это самое страшное? Ошибаешься. Есть вещи и пострашнее. Например, как я и сказал, заключённая в собственном теле, без возможности быть полноценным человеком. Охваченная заботой близких людей, которые уж точно сделают всё, чтобы продлить твои мучения. А ты будешь заключена в собственной голове, замученная страшными пытками и кошмарами своего собственного разума. И кто сказал, что меня там не будет? Я отлично могу повеселиться с тобой в ближайшие лет так пятнадцать. Ну и самое сладкое — кто сказал, что после... ты не попадёшь в место пострашнее этого?

Он обвёл руками комнату, демонстрируя своё величие и наслаждение моим промелькнувшим страхом в глазах.

— Всегда есть выбор, человечка. Помни об этом. Ты можешь согласиться отдать душу мне. Или же отправиться в один из котлов, подготовленных адом, в зависимости от того, как оступишься при жизни.

— А как же рай?

— Никакого рая нет, Амара, в том понимании, в котором вам проповедуют длинные языки ваших лжесвященников. Разве ты ещё не поняла? Я могу стать твоим раем... Или же адом. Выбор только за тобой.

Хлопнув дверью, он оставил меня совершенно одну, с собственным отчаянием. И лишь сейчас, будучи одной, я поняла, насколько я устала, насколько вымоталась, подчиняясь его играм. Он словно высосал из меня всю жизненную силу, энергию, заставил мой дух пасть в уныние. Вот как можно было описать моё состояние — полное уныние. Этому демону удалось меня сокрушить...

Глава 7.

(XII век до н. э.)

Огромное зеркало озарялось яркими вспышками, освещая комнату слишком губительным светом... губительным для юной Эрешкигаль. Морща свой острый носик, богиня то и дело возмущалась, щуря свои ядовито-зелёные глаза.

Величавые Боги... надменные, слишком горделивы и заносчивы в своих решениях и деяниях. Что для них могла значить юная царица потустороннего мира, когда другим миром правили безжалостные Боги, требовавшие почтения лишь к себе?

Отворив железную дверь праведного зала, Эрешкигаль грозно направила свой взор на одного из стражников.

— Намтар! Пусть явится ко мне. Немедля!

Столь хрупкая внешность девушки едва ли соответствовала её безграничной власти. Голос слишком твёрдый, слишком величественный, вызывающий несомненное поклонение своей Богине. Сверкая изумрудными глазами, она не давала ни единого шанса ослушаться её приказа.

Хлопнув тяжёлой дверью, она продолжала нервно расхаживать по залу, ожидая своего верного вестника, и он не заставил долго ждать, влетая фурией в величественный зал Богини.

— Госпожа...

— ...Хитрецы. Затеяли пир среди бела дня, созвав всех Богов Урука. Насмешливо пригласив и меня...

Глаза вспыхивали ядовитыми огнями, окрашивая её радужку в ярко-зелёный цвет. В руках Эрешкигаль сжимала скрижаль, кроша края камня на мраморный пол. Когтистые пальцы то и дело впивались в табличку, превращая её на глазах у Намтара в пыль.

Зеркало вновь вспыхнуло слишком яркой вспышкой, вынуждая Эрешкигаль отшагнуть, прикрыв двумя руками лицо. Под звуки игристых голосов, раздольного смеха, звона утвари вспышки то и дело пульсировали, передавая атмосферу пиршества. Зеркало стало порталом, передававшим всё, что происходило на пиру.

— Моя госпожа... вы Богиня мрака и мира мёртвых. Разве вам подвластен яркий свет божественных чертогов? Разве этот свет не губителен для ваших озёрных глаз... для вашей папирусной кожи? Разве яркое пламя верхнего мира не способно обуглить ваше тело?

— И кому, как не Богам небесного свода, знать об этом?
— Её голос прозвучал мрачным эхом под потолком мраморного зала, отражаясь от чёрного оникса, покрывавшего стены зала. Настолько жуткий голос, что даже камень менял свой оттенок, прорезая чёрной дымкой поверхность. — Глупцы посмели насмехаться... Потешить своё Величие. Не упустили... пригласить и меня, зная, насколько мне страшен белый свет... Намтар! Под покровом ночи ты должен явить-

ся в небесные чертоги. Раз уж Боги пригласили и меня... так пусть отдадут мою долю. Богиня требует свою часть яства, которое не смогла вкусить, сидя за одним столом с этими... надменными существами... Передай!

И вновь стены содрогаются от твёрдого голоса царицы, искажая замысловатые узоры на чёрном камне. Осматривая свою госпожу, Намтар не смел ей возразить, зная, что это может грозить ему смертью.

Великая подземная Богиня была не просто разгневана... Она была разъярена неуважением Богов, их пренебрежением к ней. Никогда прежде Богиня не могла появляться при свете яркого свода небес, боясь слишком пронзительного света. Он мог причинить ей вред, прожечь её белоснежную кожу, изранить её хрупкое тело. Её удел был мрак подземного мира, которым она правила. Боги же знали об этом и нарочно затеяли пир при свете яркого дня.

Но даже это не могло сломить величественную Богиню. Послав своего верного слугу на пир, она ожидала дары, предназначенные по праву места на пиру. Хоть Богиня не могла присутствовать, всё же она потребовала предназначенные ей яства.

Дождавшись наступления ночи, Богиня проводила своего верного глашатая сквозь восемь врат загробного мира.

— И почему же твоя Богиня не явилась сама на пир? Неужели Мы, Боги, недостойны созерцать её красоты среди нас!

Грозный смех Бога разнёсся по чертогам, словно раскат грома, содрогая своды ночного неба, прорывая облака яркими вспышками молний. Встав со своего места, Ану приветствовал Намтара — верного подданного, перевозчика душ подземного мира. И стали Боги вставать со своих мест поочерёдно, следуя примеру Ану, приветствуя посла Загробного царства. Все... Кроме одного — надменного Нергала.

— Не гневайся, Бог Ану. Моя госпожа была рада явиться на ваше празднество, не изъяви вы, Боги, неуважения к ней. Удел госпожи — Мрак. Вы же решили насмеяться над ней, устроив ваше веселье средь ярчайшего света. Не есть ли это самое что ни на есть неуважение к богине Эрешкигаль? Вы смели оскорбить правительницу подземного мира. И в знак примирения и уважения Богиня требует свою долю яств.

— Как смеешь ты! Слуга! Указывать нам, высшим? Оскорбили, говоришь? Эта твоя госпожа оскорбила нас, пренебрегнув нашим приглашением. Под покровом ночи она отравила тебя, слугу, нежели явилась сама. Вот что есть неуважение!

Восседающий рядом бог Эа с содроганием в руках ударил кулаком о стол, разнося волну гнева до самого слуги Намтара. Склонив голову, гонец продолжал выслушивать гневную речь Бога, дожидаясь своего слова.

— Эа... Пригласи вы мою госпожу на ночное пиршество, явилась бы она без раздумья, озаряя ваши чертоги своим светом. Вот только вы нарочно призвали её при свете яркого

свода.

— Своим светом? — Поперхнувшись, Бог войны отнял кубок, утирая мокрый рот. — Если тьма, которая в твоей госпоже, — это свет, то какова же тогда тьма на самом деле?

— Это вы лично можете спросить у моей госпожи... коль духу хватит, Владыка Нергал.

Что есть свет, когда тьма плескалась на дне опьянённых глаз Бога смерти, мора, войны и разрушения. Увешанный пластинчатой кольчугой поверх белой рубахи, Бог сжимал рукоять своего особого меча, готовый в любой момент накиннуться на гонца, сметая голову с плеч. Намтар видел этот порыв в жёлтой радужке глаз Нергала и молил его мысленно не гневаться, зная, что тот услышит его.

— Твоя госпожа желает яств? Так вот же... еда, достойная Эрешкигаль.

Сбросив обглоданные кости под ноги Намтару, Нергал раскатисто рассмеялся под громкие гуканья и смешки остальных Богов. А когда смех утих и Боги наконец успокоились, Нергал продолжил:

— Передай своей госпоже: раз она не соизволила явиться сама, так пусть же довольствуется объедками!

И покинул Намтар небесные чертоги ни с чем, прорываясь сквозь восемь врат подземного мира навстречу своей Госпоже. Раздавленный и осмеянный высшими Божествами.

— Как смел он столь гнусно оскорбить Владычицу Царства Подземного? Как смел столь нагло надругаться над во-

лей моей? Говоришь, глупец Нергалом наречён?

— Да, моя Госпожа. Бог войны, смерти и мора. Единственный, кто смел открыто демонстрировать своё неуважение ко мне, Госпожа... К вам, моя Владычица. Он отказался выразить вам... своё почтение, предложив лишь объедки.

И не было предела гневу Богини Эрешкигаль, и обратилась красавица в разъярённое чудовище, обретая облик крылатой демоницы с огромными полыхающими рогами.

Разгневавшись столь явным неуважением, Эрешкигаль намеревалась потребовать у бога Ану выдать ей мерзавца, который не поприветствовал её посланца, мерзавца, который пренебрёг уважением к самой Богине смерти, удостоив её лишь крошками да огрызками.

Дождавшись следующей ночи, Богиня Эрешкигаль созвала Богов небесных в земных чертогах, дабы доходчиво донести до высших своё требование. Вооружившись армией мёртвых, Богиня покинула потусторонние земли, пригнав свою армию к вратам небесного свода.

— Кто из вас, Богов, смел оскорбить меня своим неуважением?

Стоя у врат, облачённая в чёрное сияние, Богиня зывала к собратьям своим, осматривая каждого, проникая в их ясные глаза и видя на дне этих же глаз страх. Тысячная армия бессмертных окружала чертоги, грозясь превратить это место в поле боя. И, быть может, силы Богов могли уравниаться, не будь армия Эрешкигаль в сотни и в тысячи раз больше.

— Кто из нас виновен в твоём гневе? Чьё имя ты желаешь услышать, Царица ночи?

Бог Ану ступил вперёд, покидая небесный свод, спускаясь всё ниже к владычице царства теней.

— Того, кто смел унижить моего верного посланника. Пусть не побоится же и выскажет теперь лично, глядя мне в глаза. Пусть сам же виновник признает свою вину и ступит в открытый диалог, нежели скрываться за воротами яркого света в надежде уцелеть от моего гнева!

Разгневанная Богиня не отступала, требуя у Бога неба справедливости. И ничто не могло унять её гнева, ничто не могло унять её ярость. Лишь выдача самого наглеца могла успокоить её грозность.

— Твоё место там! Внизу! На самом дне мрака, в пучине самой темноты! Как смеешь ты, Эрешкигаль, являться в мои чертоги, угрожая мне, самому Богу Света? Как смеешь ты требовать то, что тебе не подвластно?

И гневался Бог Ану на юную Богиню, осматривая её нескончаемую армию. И пусть эта правительница потустороннего мира была оскорблена, но всё же Бог света не желал ей уступать, падая в глазах других Богов.

— Да вздыбится земля вскопанная. Да разверзнутся жерла спящие. Да восстанут мертвецы мёртвые. Берегись, Бог Света, гнева Царицы мёртвых, ибо гнев мой будет страшен! Я заполню землю твоими сгинувшими, заполню чертоги твои усопшими. Я заставлю землю кишеть падшими. От-

кажитесь выдать мне наглеца, и я воскрешу всех мёртвых из мира моего, заставлю их бродить среди живых. Я заполню ваши земли умершими, Ану. Пусть явится Нергал ко мне, или же Я исполню своё обещание и пойду на вас Войной!

И дрогнуло сердце Бога Ану от грозных слов Царицы. И полыхнул разум его ясностью и пониманием опасности. И встал он над Богами, своими собратьями, объявив о пожелании Эрешкигаль.

— Наше положение крайне шаткое. Ухудшать отношения с подземным царством — не лучшее решение, поэтому мы должны поступить иначе. Не унять нам злобы в сердце Эрешкигаль, пока сам Нергал не спустится в мир мёртвых к ней.

И, призвав хозяина кровавой планеты Марса, свирепого и мрачного Бога войны, мора и смерти, Боги решили послать Нергала разобраться с заносчивой Царицей подземного мира.

Глава 8.

Спускаясь долиной мёртвых, возглавлял своё скромное войско Нергал, восседая на гнедом коне, облачённый в коленное железо и латы. И сверкал его смертоносный меч в ножнах ярче лучей звёздных. Четырнадцать верных помощников сопровождали своего полководца, готовые отдать свои жизни во имя войны. И встречали врата ада воинов горячим дыханием, гнилым смрадом и криками мучеников.

И оставил Нергал у врат каждого из своих помощников: «Молниеносную смерть» он поставил у первых ворот, «Истощающую лихорадку» — у вторых ворот, «Уничтожающий жар» — у третьих ворот, «Мучительную судорогу» — у четвёртых ворот, и у остальных ворот поставил своих верных помощников.

Спускаясь всё ниже и ниже, Нергал намеревался покарать тщеславную Богиню, осмелившуюся встать против братьев Богов. Даже сам Намтар не смел противостоять свирепому воину, позволив Нергалу пройти сквозь последние врата Преисподней.

И ворвался Нергал в зал правосудия царства мёртвого, разметая стражников по кускам, отрубая конечности каждому, кто смел встать на его пути. И струилась чёрная кровь, кропляя мраморный пол ночного чертога, и усыпал Бог войны землю мёртвыми и израненными воинами. И добрал-

ся Бог смерти до той, кто посмела требовать его головы.

Да схлестнулись два Божества в битве решающей. Да вздрогнули чертоги ночные от битвы кровавой. Звон мечей содрогал своды мёртвые, вынуждая Царицу отступать к трону своему, выискивая помощи. Но вонзилась рука крепкая в длинные волосы Царицы, и сверкнули глаза жёлтые Нергала яростью, заставляя Эрешкигаль пасть на колени. Занеся острый меч над головой её, угрожая отрубить её. И взмолилась Богиня, горько рыдая у ног его...

— Пощады, мой Господин... прости мне мою гордыню. О мой Бог Войны... Мора... Смерти. Я признаю твоё превосходство... Я признаю твою силу... Я преклоняюсь пред тобой, великий Нергал.

— Нет тебе спасения, Эрешкигаль. За высокомерие своё заплатишься ты головой своей. За самонадеянность свою заплатишься ты жизнью. Царица мира мёртвых, даполнишь ты ряды мёртвых своих, станешь ты частью своих мёртвых подданных...

И грозился Нергал отнять самое драгоценное у Эрешкигаль — её жизнь. Вот только продолжала молить Богиня, растапливая ледяное сердце Воина голосом своим сладким.

— О великий Нергал, смельчак среди смельчаков. Стань мне супругом, стань верным соратником. Да возложу я к ногам твоим Царство подземное. Да вручу я скрижаль судьбы в твои руки. Да станешь ты править миром мёртвых подле меня. Я стану верной женой тебе. Ты будешь владыкою мо-

им, а я стану твоей владычицею!

Усомнился Нергал в действиях своих, поддаваясь сладким речам Богини, утопая в её зелёных глазах. И у самого воина стало разгораться желание узреть, насколько правды были слова Богини. И пронзил он её взглядом своим жёлтым, утопая в мыслях Богини, проникая всё глубже и глубже, пока не нашёл то, чего так искал, — правду. Воистину молила Богиня его. Готова была отдать земли свои. Готова была разделить тело своё. Возжелала Богиня Нергала так сильно, так яро, что не смогла не уступить ему свой трон.

Разжалась с волос рука крепкая, чтобы ухватить Богиню за талию и возвысить её над собой. И сплелись их уста в поцелуй осушающий. И выпивал Нергал слёзы Эрешкигаль, смакуя каждой, и сжимал он Богиню крепко в объятиях своих, раздирая одежду в клочья, оголяя тело, наслаждаясь красотой неписаной. Завладел Нергал телом Богини, распластав обнажённую Эрешкигаль прям там, на мраморном полу зала правосудия.

И соединялись их тела на мягком ложе любви шесть дней и шесть ночей. И любил её Нергал так ласково и так пылко, что сам ад сотрясался. И окрасились чёрные своды в алые, отныне полыхая красными вспышками. И стали извергаться горы адские лавой, покрывая землю огнём и кровью. И растрескалась земля сухая, изрыгая стоны и крики страданий. И разделился мир мёртвых пополам, приветствуя своего нового Владыку мира мёртвых — Нергала.

Возжелал на седьмой день Бог Нергал вернуться в чертоги небесные, вот только Бог Анум не впустил Нергала в земли свои, осуждая, что отныне нет этому Богу места на небесах, что доля его отныне в мире нижнем. И стал Нергал отныне считаться «Падшим».

— Нет места тебе больше среди нас, Нергал. Осквернил ты свет свой мраком, очернил ты себя, Бог войны, уступил сладким речам Царицы. Такая связь претит всему нашему существованию. Свет должен оставаться светом. В то время как мрак должен разгуливать лишь среди мрака. Ты запятнал свой свет, Нергал, и отныне твоё место там, внизу, среди таких же низших, как и ты!

И звучал Голос Анума страшнее грома всякого, и заставлял он своими словами вздрагивать всё нутро Нергала.

— Великий Бог Анум, я сделал, как того просил ты, я спустился в смрад гиены огненной, я отыскал дорогу к Богине Ночи и попытался казнить высокомерную Эрешкигаль, вот только дрогнуло моё светлое сердце перед мольбами её. И решил я помиловать Богиню, даровать ей снисхождение. Ведь не ты ли нас учил быть милосердными к тем, кто просит? «Ибо благ и милосерд Бог ваш и не отвратит лица от вас, если вы обратитесь к Нему».

— Ты пренебрёг божественными запретами, Нергал! Нет места слиянию верхнего и нижнего мира. Нет места сексуальной связи с сущностями, как Эрешкигаль. Она из нижнего мира... не одна из нас! Кому, как не тебе, знать это! Ты

обязан был соблюдать порядок взаимоотношений.

Непреклонен был бог Анум и не стал уступать Нергалу. Не было прощения его деянию, как и не было больше места этому Богу среди других высших Богов.

— Прости меня, Отец... Владыка свода небесного. Не гони меня во мрак. Пребывание в нижнем мире противоречит моей природе, моё место подле вас. Моя сущность желает в небесах сиять... Отче...

— И отныне ты продолжишь это делать, но не в чертогах небесных. Я изгоняю тебя, Нергал! Отныне ты больше не Бог Войны, мора и смерти. Отныне ты Владыка преисподней. Так ступай же вслед за своей супругой и служи ей верностью и честью во мраке подземного царства вашего.

Спустился Нергал в своды тёмные и отныне пребывал во мраке вместе со своей Царицей мира мёртвых. Вот только не был счастлив Нергал такому решению. Нарекла его Царица страшной участью — обращать живых людей в призраков, заманивая слабых в пучину огненную. И вынужден был Нергал покидать своё обиталище и выходить на землю, источая мрак и тьму. И сокращал Нергал световой день, чтобы продлить своё пребывание, пока не выискивал нужные жертвы. Один раз в год обязан был демон собирать души слабых, совращая и искушая их, дабы те дали своё согласие отдаться всецело искустителю. Изводил Нергал души человеческие, забирая с собой в преисподнюю, пока их тела медленно погибали на земле. А когда души давали своё согласие принад-

лежать демону, их тела превращались в пыль. Так демон из года в год выискивал слабых, утаскивая их за собой, дабы в назначенный день подносить дань Богине Эрешкигаль.

Прокляла его Царица за то, что не возжелал делить с ней ложе, не возжелал существовать подле неё. Хотя он и стал по закону её мужем, он не желал им становиться по сути, осознав огромную ошибку, совершённую им.

Нет места их связи, нет места их любви, ведь он всё же продолжал считать себя высшим Божеством. Возненавидел Нергал свою Эрешкигаль за проклятие, насланное на него. И разделили они ад надвое, и поделили земли адские, и продолжал Нергал услужливо откупаться душами, дабы Царица не посягала на его земли. Таков был их договор:

— Души смертные раз в год жертвуй мне, Нергал, мой царь мёртвых, в уплату долга супружеского своего, Муж мой. Ибо нет предела гневу моему, как жене твоей. Отвергнуть можешь как супругу свою, но отвергнуть как Богиню мёртвых ты не можешь. Девять душ! Я требую своё по праву! И эту дань обязан ты возлагать ежегодно! Коль смеешь ты ослушаться Царицу мира мёртвых, приду войною, требуя своё!

И вынужден Нергал был подчиниться, коль изгнан был из свода небесного. И ежегодно он отдавал дань свою... пока однажды не решил воспротивиться Богине Эрешкигаль.

Так началось новое противостояние двух любовников, где одна желала заполучить второго, в то время как он желал совершенно противоположного...

Глава 9.

Мягкая подушка приятно обволакивала голову, продлевая мой столь сладкий сон. Не разомкнув глаз, я продолжала наслаждаться лёгкой дремотой. Как же чертовски приятно просыпаться и знать, что никуда не нужно спешить. Обожаю свой выходной. День, когда можно не спешить открывать глаза. И всё бы могло быть чудесно, если бы не накатившая волна ужаса, прожитого прошлым вечером.

Чёрт, чёрт, чёрт!!!

Чёрт меня дери! И этого Цефея...

Стук в дверь заставил вздрогнуть, а затем и возмутиться, когда в комнату влетела незнакомка, вылупив свои большие голубые глаза на меня...

— Чууух! Кыш отсюда, гадёныш! Кыш! Кыш!

В неожиданности я застыла, рассматривая сперва незнакомку, а затем оборачиваясь туда, куда были устремлены её глаза. Чёрное существо свисало с потолка, изгибая длинную шею в совершенно неестественном положении. Небольшие рога торчали, как две маленькие антенны, то и дело привлекая мой взор.

Что это, чёрт возьми?

Молодая девушка бегала по комнате, отгоняя руками существо... существо с короткими лапками, или это были руки, мне так и не удалось разглядеть. Чёрное тельце было по-

крыто едва проглядываемым пушком. Да он почти весь был покрыт волосами, кроме лица, которое, к моему удивлению, имело нечто схожее с человеческим. Узкие блестящие глазки, торчащий нос и совсем тонкие губы, искривляющиеся в жуткую улыбку. И эти зубы... чёрт побери, да это самые что ни на есть острые отростки жёлтого цвета.

Цокая маленькими ножками, существо то и дело перескакивало с одной стены на другую, издавая странные клопочущие звуки.

— Что за чертовщина такая? — Взвизгнув, я тут же соскочила с кровати, перебегая комнату в обратном направлении от существа.

— Вот именно! Чёрт! И как его занесло в замок хозяина? Давно же ведь избавились... Шух... Шух... В замке запрещено их призывать, а то как крысы попрут со всех щелей на зов!

— Как крысы...?

Не успев и договорить, я уже шокированно наблюдала за тем, как незнакомка гоняла существо из угла в угол своим передником от платья, грозясь так и треснуть им по голове чёрному существу.

— Чухай отсюда, я тебе сказала! Хозяин будет недоволен...

И вдруг kloкочущий голос произнёс в ответ:

— Призвааали... Призвааали... припризвааали. Не по свооооой воле тут.

— Я тебе дам «призвали»! Убейся на свои огненные болота, не призывал тебя хозяин! А коль это произойдёт, уж поверь, потребует явиться лично к нему, а не шастать по его двору. Кыш!

— Она... она... она... она, — то и дело шипело страшное существо.

Чёрное существо так и скакало по стенкам вокруг меня, перебирая маленькими лапками, пугая меня до чёртиков!

— Ты в своём уме, человек? Ты его призвала?

Девушка была готова налететь и на меня, размахивая своим белоснежным фартуком. Да и вообще, кто была эта девушка?

— Я? — Указательным пальцем тыкнув в саму себя, я шокированно смотрела ей в глаза.

Чёрт! Это он обо мне?

— Да... призвала... дааа. Онаааа.

И стоило существу прыгнуть чуть ближе ко мне, как тут же я с криком подбежала к той самой незнакомке, прячась за её тонкими плечами, как за каменной стеной. Неужто она его не боится, так пусть и гонит это... от меня.

— Почему сразу я... чёрт тебя дери?

Пытаюсь прикрыться незнакомкой, а чёрное пятно уже готовилось к новому прыжку.

— Совсем из ума выжила? Не чертыхайся в этом доме! Запрещено! Так это ты его призвала?

Шаг за шагом мы обе отходили назад, готовые покинуть

эту комнату, лишь бы этот чёрт на нас не прыгнул. Искажённая улыбка уже походила на оскал. Существо то и дело подбиралось к нам всё ближе и ближе. Становилось страшно не на шутку. На что способна эта сущность, я знать не знала, не говоря о том, кто это вообще.

— Нет! Конечно, нет!

Мы наблюдали, как, вновь спрыгнув с кровати, существо медленно подползало к нам на своих четырёх лапах. Издавая до ужаса страшные клокочущие звуки. Казалось, его язык бьётся о зубы слишком сильно, бултыхаясь в жидкой слюне.

Мамочки! Вновь страшно, жутко, невыносимо пугающе...

— Вот и разбирайся... раз он твой!

Как так произошло, что мы поменялись местами, я не поняла, но мгновение — и уже незнакомка стояла позади меня, прикрываясь моей спиной, отступая всё дальше и дальше. От смелых действий девушки не осталось и следа. Незнакомка была напугана не меньше меня.

— Какой, к чёрту, мой?

— Вот опять! Ты совсем мозг свой потеряла? Или тебе его поджарили? Хватит чертыхаться, иначе заполонишь замок вот этими... Ты призвала... ты и изгоняй, человек!

Изгнать? И как я должна это сделать? Перебирая быстро мысли, я выпалила первое, что пришло в голову. Выставив руки вперёд, видя очередной прыжок, я зажмурила глаза и громко вскрикнула:

— Бесы к бесам, черти к чертям. Внемли слову моему,

внемли голосу моему, повинуйся мне и изыди, нечистый!

И всё бы хорошо, а он возьми и застынь на одном месте, лупясь маленькими чёрными бусинками из глазниц, щёлкая своей маленькой, но до ужаса жуткой пастью, царапая пол острыми когтями.

— Что? — проямлила незнакомка.

— Что? — В непонятке я повторила за ней, продолжая смотреть на существо, ожидая чего угодно.

— Признаюю... Признаю... тебя...

Клокочущим голосом проговорив, существо тут же соскочило на окно, растворяясь в воздухе, как по волшебству. Подбежав к окну, я так и попыталась понять, куда делся этот Чёрт. Но его и след простыл.

Стоящая позади незнакомка, воткнув руки в боки, вооружилась острым взглядом.

— Ты что это вытворяешь? — Хмуря брови, голубоглазая девушка то и дело сверлила своими злыми глазами.

— В каком это смысле я?

Недоумение... оно поражало каждый миллиметр моего мозга. Анализируя произошедшее, я всё никак не могла уловить смысл слов этой незнакомки. Я себе спала мирно, потом влетела она, начала гонять это существо по комнате, обвинила меня в его появлении. Я-то тут при чём?

— Запрещено! Никаких сущностей в замке. Во-первых, как тебе удалось его призвать? А во-вторых, как ты смогла подчинить его так быстро? Ты при жизни колдовала?

Колдовать? Я? И это у кого из нас мозги поджаренные?

Незнакомка подходила ближе, слишком нагло осматривая меня с ног до головы. Странная одежда девушки стала привлекать и мой взгляд. Чёрное платье в пол закрывало всё её тело. Да она могла бы сойти за монашку, если бы не свисающий спереди белый передник. Кто она?

— Кто ты?

— Не увиливай от ответа, человек.

Да я бы рада была ответить ей, вот только чего она хотела услышать? Откуда мне знать, что заставило существо исчезнуть?

— Я эмпат... Могу призывать существ, заставляя их делать... всякое... — Решив подыграть незнакомке, я напирала на неё не менее острым взглядом. — Могу и тебя заставить делать всякое, если не ответишь, кто ты такая?

И тут меня осенило так ясно и так быстро, что аж пошатнулась на месте. Неужто это новая игра моего чокнутого демона? Вот он щас превратится из девушки в очередную жуткость и станет пугать всякими ужасами.

Вот сейчас...

Вот-вот сейчас...

Или вот сейчас!

Но девушка не превратилась в демона. Подойдя слишком близко, опуская голову в некоем нелепом реверансе, она поклонилась мне, смягчая лицо в улыбке.

— Токита. Хозяин приставил меня твоей служкой.

— Кем? — Чуть не поперхнувшись, я старалась унять буйные смешки.

Служка? Зачем она мне? Мозг, что ты творишь? Зачем создаёшь эти странные иллюзии? Может, пора очнуться? Кома слишком затянулась.

— Помощница, подруга, спутница, фрейлина... Нынче в современном мире люди не знакомы с данными эпитетами?

Однако наглая служба! Своенравная! Помнится, по фильмам о Средних веках служанки и пискнуть боялись, дабы не накликать на себя гнева хозяйского. Интересно, какие правила действуют в этом адском мире?

— Очень даже знакомы. Вот только зачем мне ты? В комнате я и сама в состоянии прибраться.

— Люди... — Закатив свои большие голубые глаза, девушка... Токита... цокнула языком. — Вот и убирайся сама, раз руки есть, а вот насчёт прочего... Моё дело — быть связующим между тобой и хозяином. Пока ты новичок, я помогу тебе понять всё. Мmmm... скажем так, правила. И начнём мы с произошедшего!

— Запрещено... Я запомнила!

— Не призывай их... не чертыхайся и не упоминай. Иначе не отделаемся от них. Черти те ещё мелкие проказники, могут свести с ума даже Хозяина... Не играй с ними, Амара, черти не играют по правилам... Понимаешь?

Её взгляд был слишком озабочен, передавая мне важный смысл, вот только этот смысл я вряд ли могла понять. Раз-

ве неважно — черти, демоны, прочие сущности... Все они играют не по правилам, в борьбе за душу. Мой желтоглазый спутник тоже не отличился приятными манерами, окуная меня в чудовищные ужасы... Разве это честно...? При воспоминании о нём в груди тут же сжался очередной ком паники.

— Хозяин... Это Цефей?

— Цеф... кто?

Удивлённо взмахнув бровями, Токита убирала чёрные пряди с лица. Она явно смотрела на меня как на слегка слетевшего с катушек человека. И, возможно, она права... Мог бы человек в здравом уме воссоздать в своей голове подобное? И всё же...

— Кто твой хозяин?

— Он и твой хозяин тоже, и тебе стоит как можно скорее привыкнуть к этой мысли... человек. Скоро ты с ним встретишься. Обращайся к нему так, как он тебе позволит. Выполняй всё то, что он разрешит... Иначе... несдобровать тебе, человек.

— Амара! У меня есть имя.

— Будь по-твоему, Амара. Так вот, послушай. Отныне это твой дом, понимаешь? Есть правила, и нарушать их не следует. Я помогу тебе освоиться, пока... — Запнувшись, Токита тут же переключила свой фокус внимания, перебирая белым передником платяя.

— Пока я в плену?

— Пока не свыкнешься!

— И что будет, если я нарушу правила?

Сверкнув блестящими глазами, её лицо пробила незаметная улыбка. Приподнимая уголки губ, Токита выдержала паузу, прежде чем продолжить.

— У Хозяина есть тысячи способов наказать непослушных, и я бы не советовала испытывать его терпение, поскольку оно у него напрочь отсутствует. Не перечь, не сопротивляйся, не груби и не раздражай его. Мой тебе совет, как от той, кто служит Хозяину сотни лет. Дай то, чего он хочет, и возьми то, чего хочешь ты. Это честная сделка.

«*Оставь надежду, всяк сюда входящий*» — в голове так и всплывала заключительная фраза «Божественной комедии» (Данте А.), которую довелось прочесть, будучи школьницей... А что, если это навсегда? Что, если это и есть «лучший мир», о котором так любят упомянуть люди на каких-нибудь похоронах?

Перед глазами уже всплыли образы близких родственников, сидящих за длинным столом: «*Теперь она в лучшем мире...*» — наверняка так станет говорить каждый второй, закусывая водку солёным огурцом. Так и пройдёт поминальный вечер, а затем... Затем меня забудут. Каждый продолжит жить своей жизнью, пока я буду гнить в своём деревянном гробу, под толщей земли, песка и грязи. И было бы прекрасно, если бы на этом всё и закончилось... вот только нет! И снова нет, нет, нет! Я продолжаю пребывать за пределами

своего тела, в собственном разуме. И всё лишь потому, что я в коме... Что всё же станет со мной, когда тело издаст последний вздох? Куда тогда я попаду? Что, если этот желтоглазый демон всё же говорил правду? Мурашки табуном побежали по коже, вызывая новые и новые волны холода.

— Это не моя жизнь, это не мой дом, это не я! — Паника взяла верх, заставляя искать подвох. Наверняка сейчас её глаза вновь вспыхнут жёлтым. И через мгновение он влезет мне в голову, заставляя вновь видеть жути!

Цефей, слышишь? Не нужно этого делать!

— Вот мне и поручили ознакомить тебя со всем, помочь понять, что это твой новый мир. Думаешь, мне хочется с тобой возиться? Да я бы лучше с бесами хоровод станцевала, чем возиться с новичками... Идём!

«Делать что?»

Я была готова поклясться, что голос в моей голове был посторонним, чужим. Этот низкий баритон... Эти бархатные нотки, с крупинками жёсткого рыка... Уж очень хорошо я запомнила этот голос, чтобы в мгновение понять, кому он принадлежит.

— Ты что, тугодумка? Идём, я сказала!

Токита стояла у двери, настаивая следовать за ней. Но если она не он, то почему я продолжаю его слышать в своей голове, даже когда его нет в комнате?

«А всё потому, что это лишнее доказательство того, что всё это лишь плод твоей фантазии! Амара...» — а вот

это уже, видимо, я сама себе отвечала.

«Я реален, человечка! Скоро ты поймёшь это.»

Брррр... эти голоса начинали изводить. Шагая за Токи-той, я оглядывала длинный коридор. Мрачновато. Чёрный камень покрывал не только пол, но и стены. Единственным средством освещения этого мрака были небольшие светящиеся шары, висящие под потолком. Удивительно, на чём они держались?! И эти стены, они словно живые, пульсирующие. Чёрный рисунок внутри стен шевелился, словно ночное небо, медленнодвигающееся в отражении.

Несколько поворотов, а затем и винтовая лестница вниз. Нескончаемый путь по странному замку. Я надеялась увидеть хоть что-то интересное, но нас окружал лишь Мрак.

— И куда мы идём?

— Хозяин желает показать тебе истину. Твоя душа сопротивляется, отрицает настоящее. Это всё осложняет.

Даже интересно, что на этот раз выдумает мой мозг, чтобы убедить саму себя в том, что моя иллюзия — это вовсе не иллюзия. Это как если бы моё бессознательное убеждало сознательное, что оно всего лишь выдумка. Надо же...

— И каким же образом? — Заходя в очередную комнату, в глазах уже рябило от такого количества мрака.

Но мрак был лишь малой частью из моих проблем. То, что я увидела, заставило напрочь позабыть о мраке. Подойдя к большой чёрной рамке, Токита отворяла что-то вроде створок, открывая моему взору зеркало. Вот только было что-то

странное в этом предмете. Гладкая поверхность совершенно не отражала силуэт девушки. Серебристая гладь двигалась, создавая бугристые волны, которые то и дело расходились по поверхности и возвращались в исходную точку.

— Арка перехода. С её помощью я хочу показать тебе кое-что.

Ухватив меня за руку, девушка насильно подвела меня к зеркалу, от которого то и дело веяло холодом, таким жутким, ледяным. И эти голоса. Из самых недр арки стали доноситься отдалённые звуки человеческой речи, словно я подслушивала чей-то разговор сквозь вентиляционную трубу. Становилось не по себе. Осознание уже прорезала мысль о том, что ничего хорошего я не увижу в этом зеркале... и так оно и было.

Стиснув руку крепче, Токита буквально вытолкнула нас в серебристую жидкость под звуки моего приглушённого писка. Вновь это отвратительное чувство падения с огромной высоты. Повсюду лишь мрак, шёпоты, крики и странный запах... этот запах так и вбивался в ноздри, проникая внутрь, впитываясь в лёгкие. Столь знакомый запах... лекарств, спирта и фенола...

Я продолжала чувствовать руку Токиты на своей, а когда чувство полёта прекратилось, я с ужасом осознала, что мы зависли где-то в пространстве, совсем близко к происходящему внизу действию.

Сказать, что мне стало невыносимо страшно, — ничего не

сказать. Казалось, сотни чувств и оттенков страха смешивались между собой, вызывая острый паралич грудной мышцы. С высоты я смотрела на саму себя, утыканную трубками. Лёжа в палате, на больничной постели, я мирно... Спала?

Бордовое лицо было покрыто синяками и ссадинами. Левая часть лба и вовсе была скрыта под белоснежным лоскутом бинта, как и рука. По всей видимости, я и её сломала, раз гипс покрывал её по самый локоть. То, что скрывалось под простынёй, и вовсе оставалось тайной. Вот только странное ощущение не отпускало, давая понять, что мои конечности больше не принадлежат мне.

Как же страшно видеть саму себя вот такую, беспомощную, лежавшую без сознания. Это как если бы ты смотрелась в зеркало и не узнавала в самой себе себя. Мужской голос донёсся до меня эхом, рассеиваясь в пространстве. Слова отбивались пинг-понгом, то и дело всплывая то ближе, то дальше, то громче, то тише. Кто вообще говорит? Этот голос я не узнаю.

— Я не хочу вас обнадёживать... обнадёживать... вас обнадёживать... её состояние крайне... крайне... тяжёлое... крайне... Шанс очнуться один... шанс... очнуться... один на сто. Черепно-мозговая... мозговая... мозговая... травма оказалась... травма... слишком серьёзной.

Слова спутывались, сливались в сплошной шум. Сложно было сосредоточиться, уловить смысл. Опустив взгляд чуть ниже, я почувствовала, как дёрнулось сердце, как стало тес-

но в груди. Большой ком то и дело ударялся о кости...

Мама. Моя мама! Как же я успела соскучиться! Стоит такая бледная... подавленная. Бессонные ночи сказались на её тяжёлом лице, создавая синие мешки под глазами. А сами глаза... слишком заплаканные, померкли, потускнели. Она словно труп, такая опустошённая... Кожа совсем жёлтая, прозрачная.

— Мама... Мамочка...

— Она тебя не слышит, Амара. И не услышит. Мы не в её измерении.

Хотелось плакать, но мои глаза продолжали быть сухими, и как бы я ни старалась выплеснуть всю свою боль, ничего не получалось. Я пыталась кричать, но голос застревал в горле, выливаясь тягучим шёпотом. Я пыталась приблизиться, протянуть руку, но и этого не удавалось сделать. Мы плыли в густом тумане, из которого невозможно было вырваться, он слишком обволакивал, проникая внутрь всего тела.

Мама... Что мне сделать, чтобы ты услышала — я жива! Жива! Вот она я! Обернись! Посмотри! Ты должна меня увидеть...

Но она не слышит. Прячет лицо в ладонях, содрогаясь в истерическом рыдании. Тело сгорблено, бьётся в конвульсиях слёз, вздрагивает от каждого всхлипа, всем своим видом показывая отчаяние, боль, печаль...

Нет, мама, не слушай его, я жива, вот она я!

— Вы должны... должны быть... должны сильной и ве-

рить... верить... верить... в чудо. Не теряйте надежды, мы... мы... будем... мы будем... будем бороться за её жизнь.

Но никакие слова не могли унять её боли, потушить этот пожар страдания, агонию уныния. Я была единственным ребёнком в семье, и теперь же мать рыдала у моей постели, в полной безысходности, в полном одиночестве, растворяясь в своём горе.

Мне хотелось остановить это, прекратить её страдания, унять её безграничную боль. Последнее, чего бы я хотела, — причинять боль своим близким.

Я продолжала тянуть к ней руку, всё ближе и ближе. Продолжала шептать слова в надежде, что услышит, поймёт, что я здесь... рядом... даже если я превратилась в сгусток энергии. Она обязана почувствовать моё присутствие. И казалось, я могу достать до её плеча, притронуться, дать понять, что я рядом, как тут же густой туман наполнил пространство, засасывая нас куда-то. Давящее чувство буквально готово было раздавить моё тело. Зажмурившись, я вцепилась в руку Токиты, когда нас выплюнуло обратно в мрак. Мы оказались там, откуда и начали свой путь. Перед нами стояло то же самое зеркало, отражая серебряные волны. И я была готова рвануть к нему, лишь бы ещё раз взглянуть на свою маму. Как я могла оставить её в таком состоянии?

— Нет! — Соскочив с пола, Токита добежала до арки первой, прикрывая чёрные ставни, пряча от меня серебристую гладь. — Идиотка, ты сгинешь там без проводника! И даже

Хозяин не сможет отыскать тебя в этой пустоши.

Оттолкнув, она запирала ставни, вырисовывая пальцем странный символ. А мне было плевать, я хотела обратно, я хотела вернуться в ту комнату, вернуться к маме.

— Отпусти... прошу. Я хочу к маме...

Но было поздно. Ставни плотно захлопнулись, сверкнув красными нитями в виде символа. Портал закрылся, и что-то мне подсказывало, что без помощи Токиты я вряд ли его открою.

Опадая на пол, я плакала, вспоминая, как буквально мгновение назад видела в таком же состоянии свою маму. Как же больно, по-настоящему... Грудь то и дело пускала волны отчаяния по всему телу. Неужели это правда? Вся эта чертовщина реальна? Моё тело сломленное там... А я здесь... Но где это «там» и «здесь»?

— Я хочу вернуть! Как мне вернуться в свою жизнь?

Выкрикивая в ярости слова, я подбежала к девушке, вбивая ладони в её плечи. Да я была готова убить, лишь бы заполучить своё. Чувства зашкаливали, как и эмоции. И к чему могли привести мои идиотские действия, если бы не шипучий голос за моей спиной...

— Одно твоё «да», и я дам то, чего ты так желаешь.

Проклятый демон... Ненавижу тебя, исчадь ада... Жёлтые глаза сверкнули, как только схлестнулись во взгляде с моими...

Дорогие мои читатели, жду ваших откликов, поддержки

и критики, чтобы понять, двигаюсь ли в правильном направлении :) Подписывайтесь, лайкайте, пишите комментарии, я всегда рада вашей поддержке!

Глава 10.

— Верни меня... Верни! — Я выкрикивала слова в воздух, ненавидя его всем своим сердцем.

Жёлтые глаза, до невозмутимости спокойный взгляд выводили из себя. Хотелось накинуться, выцарапать его идеальное лицо, хотелось вбивать кулаки в его крепкое тело, хотелось причинить ему боль... Физическую. И пускай в сотни раз я слабее перед ним, но всё же мне этого хотелось. Одного моего «да» он мог добиться, предложи взамен он свою жизнь! Проклятый демон, Цефей.

— Сделка, человечка. Выгодная для нас обоих. — Разрезая пространство, он подходил всё ближе, вызывая во мне настоящие вспышки ярости. Казалось, вулканы ядерной злости взрывались во мне, растекаясь ядовитой ненавистью к нему. Украл... Отнял насильно мою прежнюю жизнь... а теперь подталкивает пойти на ужасающий поступок, лишив меня права выбора... вынуждая подчиняться.

Сделка с Дьяволом? Ни за что!

— Моя душа в обмен на твою, Демон! Я дам своё согласие, только если ты дашь своё. Честный обмен, скажем... на сто... нет! Пятьсот лет... Что для демона пятьсот лет в сравнении с вечностью? Твоя власть в обмен на мою душу.

Его пронизывающий взгляд проникал под кожу слой за слоем, просачиваясь в мясо, мышцы, кости, впитываясь в

клетки, нейроны, импульсы. Я ощущала его в своей голове, очень глубоко, чувствовала, как вновь копошится, зарывается всё глубже в слои мозга, пытаюсь манипулировать... ВНОВЬ...

Нет! Уходи... прочь из моей головы... Воооон!

Я почувствовала, как сжалась каждая извилина в голове, как напрягся мозг, прежде чем испытать облегчение. Разжав веки, смотрю в жёлтые глаза и пытаюсь понять, что в них вижу... Что-то исказилось, на мгновение глаза сверкнули... удивлением? Неужто я сумела выгнать его из своей головы, закрыв невидимую дверь прямо перед его наглым носом?

— Твоя власть на пятьсот лет — и моя душа твоя! Согласен?

Разглядывая демона в ответ, я не верила своим глазам. Моргнув, на доли секунды он исчез, чтобы тут же появиться совсем рядом, возвышаясь огромной фигурой надо мной. Сердце дрогнуло в испуге, сжимаясь и разжимаясь слишком болезненно. Ничего доброго его лицо не обещало. Наоборот... Огненные вспышки сверкнули в глазницах, окрашивая глаза в цвет гнева. Один взмах пальца — и невообразимым образом я уже стояла на цыпочках, пригвождённая его рукой к невидимой стене, или мне так казалось?.. Я однозначно чувствовала твёрдую поверхность позади, вот только мы стояли в середине комнаты. Я чувствовала, как пальцы сжимались на горле, ощущала, как царапают острые когти кожу, готовые вспороть её. И эти глаза... не могу отвести

своего взгляда, отвернуться или хотя бы прикрыть глаза в ужасе... нет. Гипноз в чистом виде, слишком устрашающий, слишком болезненный.

— ...Умная... Человечка... Никчёмность захотела власти? Это интересно... Думаешь, тебе под силу эта ноша?

«Пятьсот лет я буду мучить тебя, демон! Лично тебя. За это время я сполна утолю свою жажду мести, упырь!»

Губы растягивались в улыбке, оставляя его зубы прикрытыми... оно и к лучшему. Клыки пугали меня... как и то, насколько широко могли растянуться эти губы. Я знала, что он слышит, видела отдачу в глазах.

— Глупая душа. Ты и на маленькую долю не понимаешь всего смысла этого места. Уже нарисовала в своей голове адские костры, котлы страданий, болота боли? Придумала, каким способом станешь сдирать с меня кожу? Как будешь отрезать мои конечности? Увидела, как я стану просить о пощаде? А что насчёт других... Грешников? Скажем так... садистов, мучивших животных? Маньяков, извращенцев, некрофилов, детоубийц? О них ты тоже должна позаботиться, госпожа преисподней. Хватит духу, Амара? Хватит сил на всех? А что насчёт праведников? Что с ними ты станешь делать? По-твоему, загробный мир — это только про мучения и страдания? Вам... низшим существам, никогда не понять масштабов... и уж тем более не руководить этим миром! Хочешь повергнуть ад в ад? Обречь не те души на мучения?

Голос то и дело чеканил каждое слово, вбивая невидимым молотом прямиком мне в макушку. А острый взгляд врезался больнее всякого кинжала. Хотелось сдаться, спрятаться, исчезнуть из-под его слишком тяжёлого взора. Поистине, передо мной стоял вовсе не человек и, возможно, даже совсем не демон, в привычном человеческом понимании. Я чувствовала его силу, настоящую, мощную. Даже воздух вокруг заряжался этой мощью, становясь густым, как на вершине самой высокой горы. Это «нечто», стоящее передо мной, было что-то иное, потустороннее.

— Кто дал тебе право отнять мою жизнь? Если в этом месте есть не только боль, так почему ты мучишь ею меня? Что сделала я при жизни, что заслужила это?.. Если ты Бог, так объясни, за что ты так со мной? Почему держишь меня в неведении, в боли и страдании?

Пальцы разжались, возвращая землю под ногами, возвращая возможность двигаться. Он вновь смотрел своим пронзительным взглядом, сосредотачивая мой вокруг чёрной точки в радужке.

— Твоё мышление слишком примитивно, чтобы понять всю суть, человечка. Забудь обо всём, чему тебя учили. Нет никакого Рая или Ада в том понимании, в котором до вас доносят ваши пастыри. Нет никакого великого зла или добра. Ты здесь лишь потому, что твоя жизнь пришла к концу. Один необдуманный поступок привёл тебя к тому, что сейчас ты здесь. Твоя невнимательность кончилась тем, что тебя сбил

автобус, и, поскольку ты ещё не завершила полный переход, ты здесь, в пограничной зоне, и только я решаю, куда тебе дальше. Отдай душу мне, и я воздам тебе по заслугам. Или же...

— Или же...? Что там дальше? Кто-то пострашнее тебя?

Демон молчал, проникая глубже в душу. Вновь я чувствовала внедрение, словно что-то инородное проталкивалось по венам, растекалось глубоко в тело.

— Просто верни меня... Пусть я буду сломленной, пусть буду в инвалидном кресле всю жизнь, я хочу домой... я хочу к маме... — Я чувствовала, как слёзы стекают по щекам, делая лицо мокрым. Впервые в этом месте я плакала от отчаяния.

И впервые этот демон проявил сострадание столь странным действием. Отпустив шею, он поднял ладонь к лицу, стирая большим пальцем влагу. Коснувшись, он тут же отнял руку, чтобы слизать длинным змеиным языком каплю со своей руки...

— Я не злой и не добрый. Я проводник для таких, как ты.

— То есть ты смерть?

Демон вновь молчал. Тишина угнетала, как и неведение. Мозг то и дело вырисовывал картины одна страшнее другой. Неужто всё же это правда, и я вовсе не в своей голове, а там... по ту сторону? Но если это так, то почему моё тело ещё живо, мозг ещё жив, отсутствует лишь сознание...

— Я жизнь после смерти. Я забвение, Я небытие, Я уто-

пия.

— Ты... Дух сомнения и насмешки... Вот кто ты! Будь ты не добрым и не злым, то всё было бы иначе, Демон. Не стал бы ты показывать то, что показал. Не стал бы так нещадно мучить меня, изводить... добиваясь своего. Я отказываюсь от сделки. Верни меня обратно!

— Будь по-твоему.

Разве всё могло быть так просто? Одно мгновение — и меня словно вытолкнули, заставляя ветер засасывать меня в трубу, разгоняя вихри дыма. Мрак то и дело мерцал, переливаясь всеми оттенками чёрного и серого. Истошные крики проносились мимо, прежде чем что-то твёрдое стало выбиваться в моё тело. Мелкие осколки то и дело ранили, причиняя боль, обжигая порезы. И с каждым таким мощным потоком боль становилась всё больше и больше и больше... Хотелось кричать, отбиваться, сопротивляться этому странному путешествию. Но рот был склеен, сомкнут без возможности им двигать. Глаза прикрыты, неподвластны движению. И эта тяжесть. Откуда взялась тяжесть во всём теле? Да я словно была придавлена бетонной плитой, и единственное, что продолжало двигаться, так это моя грудь. Накачиваясь воздухом, она вздымалась под давлением, а затем так же опускалась. Вверх, вниз... вверх, вниз... Без усилий, без контроля. И как бы я ни пыталась подчинить себе хотя бы дыхание, этого не удавалось сделать.

А ещё боль. Стало не просто больно, невыносимо больно.

Боль не на физическом уровне, нет... боль, которая звенит в самом ядре головного мозга. Пульсирует опухолью внутри, посылая жгучие импульсы по костному мозгу.

Мрак... он по-прежнему везде. Слишком темно и страшно, чтобы понять, куда я попала. Меня словно заперли в глубоком ящике, куда не проникает свет. Пустота... Она слишком захватила меня, вызывая не просто страх... чувство отчаяния, безысходности, безнадежности... Вот она, новая ступень адских мучений... Вот они, ужасы преисподней.

— Амара... Вернись, дорогая.

Будь у меня возможность пошевелиться, я бы дрогнула всем телом. Будь у меня способность подчинить это тело, моё сердце наверняка бы дрогнуло, пробивая чечётку на экране аппарата жизнеобеспечения. Вот только звук не менялся, монотонно транслируя умеренный ритм сердцебиения. Трубка в гортани умеренно качала кислород в лёгкие, а мозг наконец осознал, где я.

Мама... мамочка. Твой голос как ангельское благословение в этом мраке ужаса. Мамуля... как же я рада слышать тебя, понимать, что ты рядом... и как же я несчастна осознавать, что даже не чувствую её прикосновения. Хочу чувствовать хоть что-то... И с ужасом осознаю, что не чувствую ничего, кроме хладнокровного мышления. Из всего, что работало в моём организме, — это мозг.

Ужас, он вновь сковывает ледяной волной, накрывая от самых пяток и до мозга. Холод повсюду, и могла бы я дро-

жать, я бы дрожала, надеясь, что мама поймёт, укутает теплее. Вот только нет больше шанса согреться, разогнать кровь по конечностям. Ничего, кроме головы, я не чувствовала. И даже та поддавалась ощущениям с трудом. Чувствую пластмассу во рту, как тянется вниз по горлу, но не могу её сжать губами или хотя бы обхватить языком.

«И это то, чего ты хотела, Амара?»

С ужасом я понимала, что всё реально. Впервые я это чётко осознавала. Окружение чувствовалось по-другому, иначе, так, как я привыкла чувствовать этот мир с самого рождения. Пространство не искажалось, не давило и не мерцало. Предметы, окружающие меня, ощущались привычно, как и присутствие человека в комнате. Не было никаких иных ощущений нереальности. И единственное, что выбивало из колеи, — это страх. Страх полного осознания произошедшего.

Случилось страшное... катастрофическое. Память вернулась окончательно и бесповоротно. Вот я проснулась утром, впопыхах выбежала из квартиры в надежде не опоздать... вновь. Вот я смотрю на часы, игнорируя всё вокруг. Нога шагает за предел тротуара, ещё шаг вперёд, перед ужасным столкновением. Автобус... зелёный... Сбил железным бампером, ударил в грудь, вызывая просто ужасающую боль. Вот я отлетаю так далеко, что сама поражаюсь длине полёта, а затем... ударяюсь головой прямоиком об асфальт под звуки омерзительного хруста. Неужели так ломается позвоночник? Без боли, без острых ощущений. Лишь чувство горячей кро-

ви в сосудах. Слишком горячей... даже обжигающей. И всё? Вот он, конец?

Как же хотелось плакать... Кричать что есть мочи... Хочу владеть телом, хочу шевелить пальцами, да что угодно, лишь бы не эта слишком звенящая тишина. Онемение, оно во всём теле... Я не этого хочу... Нет!

«Мама, я здесь... внутри!!! Помоги... Хоть кто-то, помогите...»

— Амара... — и вновь этот всхлип... звуки мамино-го плача, от которого холодеют органы. Не могу это слышать... не могу слушать. Слишком страшно, слишком жутко от столь надрывного голоса.

— Мора, ты должна держаться. Мора... не плачь, так будет лучше.

И хочется кричать. Этот голос узнаю. Лили... Моя Лили. Ты тоже здесь. Услышь хоть ты... почувствуй, я здесь, я жива!

— Я не могу... Как я могу позволить отключить мою девочку, зная, что это может убить её? Как я могу с ней попрощаться?

— Или вернуть... Мора, это может помочь пробудиться.
«Что? Отключить? Совсем из ума выжили? Мама, не делай этого! Лили! Хоть кто-то, услышьте меня!!!»

«Тебя слышу я. Одно твоё слово...»

И если секунду назад я осознавала страх, то с появлением третьего голоса я почувствовала, как закипает во мне ярость.

Он... Ты! Во всём виноват, проклятый Демон!

«*Нem!*»

«*Слишком мало времени... Идём со мной, согласишься на сделку, и я верну тебя, излечу сломленное тело, позволю прожить свою жизнь и приду за тобой после...

Хочешь, я предскажу то, что тебя ждёт? Тебя отключат, но не надейся, что ты очнёшься, нет. Ты продолжишь чувствовать. Понимать... осознавать. Твоё тело отправят в морг. Холодный. Пустой. Патологоанатом уложит тебя на холодный стол, снимет с тебя одежду, разрежет твою кожу... грудную клетку. Этот хруст костей, скрежет стального инструмента по мясу... будет для тебя незабываем. Он вынет органы из твоего мёртвого тела и запишет вес каждого. Он будет всё озвучивать, чтобы ты слышала, осознавала. А после он зашьёт твоё пустое тело нитью, продевая стяжку за стяжкой. Нить будет сжимать твоё тело, удерживая грудину, но тело больше не имеет способности стягиваться. А затем он омоет тебя ледяной водой и формалином. Обработает твои глаза, ноздри и рот. Амара... Амара... ты всё это время будешь там, внутри, заперта сама в себе. Думала ли ты хоть раз о том, кто и какие слова произнесёт на твоих похоронах? Кто станет плакать по тебе? Родственники, друзья... будут толпиться у твоего тела, расхваливая твой труп, предаваться воспоминаниям. А после.

Ты понимаешь, что будет после????»*

Голос в моей голове был слишком ощутимым... Сliš-

ком реалистично он описывал эти ужасы, о которых я и думать боялась. Страх заполонил быстро, расплзаясь волнами ужаса. Вот он, пик моего страха. Так страшно, что начинаю чувствовать, как бьётся сердце в груди. Тук... тук... тук... быстрее и быстрее.

Аппарат то и дело заполняет шумом пространство, плакая быстрее. Слышу, как шоркают ноги, как вздыхает громко мать. Слишком много движения, голосов... А я уже кричу ненавистно: «*Нет!!!*»

— Что это?? Что? Амара, очнись... прошу.

— Мисс, не мешайте. Отойдите!

— Спасите её, у неё приступ? Нет, не умирай!

— Выведите мать отсюда!

Сердце слишком быстро бьётся, вызывая пульсацию в голове. Казалось, у меня в груди раскрутилась центрифуга. Кровь качается слишком быстро, вбиваясь в мозг. Вот-вот и хлынет через рот, нос... Что происходит? Неужто я всё же смогла взять тело под контроль, ну хоть частично? Неужто это такая реакция на страх?

«Амара... Ты умираешь... Идём со мной, и я дам тебе, что пожелаешь. Верну жизнь...»

«Демон, что будет, соглашусь отдать тебе душу?»

«Что пожелаешь...»

«После... когда ты придёшь за мной... что будет с моей душой?»

И вновь тишина... ничего, кроме возни вокруг моего

сломленного тела. Демон решил покинуть меня, когда так отчаянно нужен мне?

«Цефей!!!»

«Я жду твоего решения, человек.»

«Но если моё тело умрёт... Ты не сможешь дать то, чего я пожелаю.»

«Быстрее, человек... Идём... со мной... иначе будет поздно.»

— Дефибриллятор! Пять кубов эпинефрина.

«Сохрани телу жизнь, Цефей. Я пойду с тобой, но ты должен позволить мне подумать над сделкой.»

Ток, он обжёг грудь, проникая острыми иглами в сердце, заставляя мышцы сокращаться. И в эту же секунду, как дефибриллятор пробил всё тело сотнями вольт, что-то ухватило меня, вырывая сквозь время и пространство. Глаза широко распахнулись, чтобы увидеть со стороны, как несколько мужчин в белых халатах толпятся над моим почти неживым телом.

— Разряд, ещё раз!

Серый дым заполнял комнату, сосредотачиваясь совсем рядом с моим телом. Дым клубился, заворачиваясь в чёрную воронку, которая разрасталась всё шире и шире, открывая свои мрачные глубины. Выгибаясь под импульсами тока, моё тело вздрагивало, в то время как доктора пытались вернуть меня к жизни. И вот долгожданная тишина нарушилась слабыми звуками биения сердца. Им удалось запустить жизнь

моему мёртвому телу. Но увидеть дальнейшее мне не удалось. Демон ухватил слишком крепко, утаскивая вглубь воронки ту часть, что он называл «Душа».

Глава 11.

— С ней одни мороки. Неприступная, настойчивая, упрямая, как дикий осёл. Она стала мне докучать, наглая чело-
вечка.

Мужчина упал в своё высокое кресло, перебирая длинными пальцами по стеклу чёрного подлокотника. Постукивая длинным когтем, он то и дело посматривал на сидящего напротив гостя.

— Так отправь её в Запределье. Позволь переправить душу в страну невозврата. Пусть ею же займутся низшие, а ты к тому времени найдёшь более слабого претендента.

— Нет. — Задумчиво потирая подбородок, мужчина то и дело сжимал длинные пальцы. — Слишком много энергии я затратил на эту душу. Её непоколебимость злит... Я сломаю её, поздно отступить.

Подняв жёлтые глаза, демон рассматривал гостя, сосредотачивая внимание на светлых волосах, собранных в длинную косу. Свет... Он любил его, но так редко мог позволить видеть. Лишь в те особенные дни, когда приходило время и портал открывал свои двери, позволяя ему переправиться в мир живых. Подземный мир был полон мрака... А демон так скучал по свету. Вот и сейчас, когда двери прочно замыкались, отнимая на год возможность посетить человеческий мир, мужчина начинал тосковать, зная, что предстоит про-

жить очередной год во мраке.

Рассматривая светлые волосы Намтара, мужчина невольно вспоминал былое. Когда-то давно именно этот гость стал камнем преткновения, о который споткнулся мужчина. Не будь он столь самонадеян тогда, не почувствуй он тогда своё превосходство, не оскорби он тогда Намтара, смог бы избежать всего того, что произошло после. Тысячи лет его мучили эти мысли, создавая лишь одно в его голове — сожаление о содеянном.

— Сроки жмут, Нергал. Эрешкигаль ждёт твоё подношение. Девять душ, Нергал, помнишь? Кровавая луна завершает свой цикл, закрывая вход в мир живых. Не сумей сломить ты человечку, и тогда нечем будет платить. Богиня не спустит твоё пренебрежение.

— Для этого ты здесь? Усомниться?.. Девять душ... — Взмахнув указательным пальцем, мужчина раскручивал маленький водоворот у себя в руке, любуясь, как чёрный дым поддаётся его воле, закручиваясь в спираль... — Тысячу лет одно и то же, год за годом, столетие за столетием. Ты приходишь сюда напомнить о моём падении... Я мог восседать с богами небесными, наслаждаясь благодатью, а вместо этого проклят... и вынужден вечно мучить других.

— Хватит жалеть себя. Тебе дана несомненная власть, безграничная... Зачем бороться с самим собой? С ней... Она по-прежнему ждёт тебя... Признай свою супругу, скрепи союз и...

Встав со своего кресла, мужчина в мгновение ока приблизился к гостю, демонстрируя свои сверкающие глаза. Злость зарождалась в самой глубине пылающих яростью зрачков, и Намтар знал это. Нарочно каждый год этот прохвост подводил разговор к одному и тому же, подталкивая Нергала к той, кому он служил. Но не было места в его сердце для Эрешкигаль, которая втянула его в пучину мрака. Непоколебим был Нергал в своём решении.

— Единственное, о чём я могу сожалеть, так это о том, что не убил тебя прямо там, в небесном зале... Раз уж моя участь была предрешена. Уходи! И передай, слуга... своей госпоже, что души будут в срок.

Моргнув глазами, Намтар исчез из личных покоев мужчины, оставляя после себя светлую дымку. И почему этому Божеству было дано испаряться во свете, даже если был он прислужником мира мрака? Мне же было присвоено чёрное озарение вместе с мрачной дымкой.

Печалила Нергала такая участь — год за годом служить миру мрака. И пусть в его руках была всесильная власть загробного мира, готов был демон отказаться от всего, лишь бы хоть раз взглянуть на небесные своды. Вот только не зря мир мёртвых назывался «Миром Невозврата». Нет пути назад, коль изгнан был всевышним Богом за грехи свои.

— Токита, явись.

Не успел договорить слова, как перед ним из дымки появилась девушка, та самая демоница, поставленная присмат-

ривать за человечкой.

— Девятую... Приведи.

— В ваши покои? — Удивлённо взмахнув бровями, девушка изобразила искреннее удивление на своём человеческом лице.

И вправду... зачем она тут?

Подумал мужчина, удивляясь своей усталости. Последний переход потребовал слишком много энергии, и не только для себя. Душа рвалась в своё тело, готовая вернуться в него, и всё бы ничего, если бы люди из её мира не стали помогать, затягивая душу обратно. Огромных усилий стоило утянуть душу за собой, в мир теней, огромные ресурсы сил были потрачены на последнее путешествие вместе с этой человечкой. Едва ли я смог удержать себя в её мире и её в своём. Всё могло закончиться катастрофой. Упусти я душу, и на поиски новой мне бы просто не хватило сил... Чем дальше Божество находилось в мире живых, тем слабее становилось его астральное тело.

— Нет. Конечно, нет... Раз уж человечка слишком привязана к своему миру, следует окунуть её в привычную среду. Одень её подобающе и приведи в зал яств... И, Токита... позаботься о том, чтобы стол был накрыт для двоих.

Сверкнув серыми глазами, девушка склонила голову в покорности и тут же растворилась в воздухе.

Давно Богу мира мёртвых не приходилось сталкиваться со столь активными душами. Было по-всякому, но чтобы душа

столь упорно сопротивлялась — никогда. Но Бог был непоколебим. Эта душа его. Стала его, как только он услышал её зов, ни с чем не сравнимый. И дело было вовсе не в странном желании этой же души познать непостижимое, запредельное, а в том, насколько душа отзывалась на его приглашение.

В назначенный час врата в мир живых отворялись, выпуская его из загробного мира. Из года в год Нергал покидал свою обитель, дабы собрать дань той, кому вынужден был служить. По истечении времени врата закрывались вновь, втягивая демона во мрак. Девять дней дано было Нергалу на то, чтобы утащить с собой девять душ. Добровольно должны были души дать своё согласие на пересечение границы. Не мог демон насильно утащить того, кто этого не хотел. И даровал он им все богатства мира, и возвышал на пьедесталы мировые, и исполнял он любые желания, чтобы затем, в назначенное время, забрать обещанную душу себе. Не могли устоять алчные люди перед властью и богатством, соглашаясь заключить сделку с дьяволом ради своих желаний. И наделял их демон семью грехами, черпая их жизненную силу. А когда приходило время... Намтар встречал помеченные души, сопровождая их во владения Нергала, дабы тот подготовил души к подношению Царице мира мёртвых.

Нарекла Эрешкигаль Нергалу подносить ей лишь души, искушённые самим демоном, дабы укрепить его сущность в мире мёртвых. Некогда Бог войны, мора и смерти был светлым, высшим... Но с изгнанием Нергал заслужил своё новое

звание — Владыка мира мёртвых. *«Так пусть же отныне владычествует над искушёнными им душами. Пусть отныне лишает жизни тех, кто поддался его воле, раз отказался подчиниться своей супруге. Но коль оступится хоть раз... супруг мой, не принесёт души вовремя, пойду войною на него. Испепелю земли я его, опустошу царство я его, да загоню его во мрак, откуда нет спасения».*

Претила Нергалу такая участь, вот только договор был заключён, и отныне был вынужден он искать и искушать души, дабы откупаться от супруги и править своей половиной царства.

(Чревоугодие)

Токита влетела в комнату ветром, расшвыривая всё на своём пути, и всё, что оставалось делать, — лишь молча наблюдать за тем, как сумасшедшая девушка расставляла на кровати тряпки...

— Выбирай.

Обойдя её, я взглянула на расставленные вещи. Красивые, спору нет. Всё как я люблю. И раз уж я в аду, пусть будет и вещь под стать месту.

Одетая в чёрное платье, я вошла в зал, облепленный всё тем же чёрным камнем. И вновь мрака слишком много. Лишь несколько канделябров и свечей освещали это мрачное место. Становилось не по себе не только от мрачной комнаты, но и от стола, накрытого... Для меня?

Как только дверь отворилась, впуская меня, сотни запа-

хов самых изысканных блюд ударили в нос, заставляя желудок скрутиться трубочкой, урча где-то под рёбрами. Тягучие слюни то и дело наполняли рот, заставляя слишком часто сглатывать.

Что это... бешенство?

Как же хотелось есть. Нет, не так... хотелось накинуться на этот стол, сметая все эти вкусности прямо себе в рот. Я чувствовала, как дрожь расходилась от желудка по всему телу, заставляя руки колыхаться во все стороны. Желудок отчаянно просил еды, пропуская острые, болезненные спазмы. Всё моё внимание было устремлено лишь к столу, игнорируя факт того, что где-то позади огромные железные двери с грохотом закрылись, оставляя меня наедине с моим желтоглазым чудовищем. Я хотела лишь одного! Жадно вкушать еду, засовывая в рот кусок за куском, сплетать крошки языком, чувствовать, как растекается еда по горлу, как опадает в желудок, насыщая моё тело. Я мечтала чувствовать, как вкусное вино наполняет рот, наполняет моё чрево. Желание затопило мой разум, вызывая уже не просто дрожь, настоящую буйную лихорадку. Да я была готова сгрызть демону глотку, рискни он меня остановить, вот только демон вежливо подал руку, подводя к месту моего гипноза.

Еда... еда... еда...

— Амара... ты голодна?

Его голос звучал так заманчиво... так привлекающе... так вкусно, с неким причмокиванием.

— Хочу!

— Тогда... это всё для тебя.

Блюда! Мои самые любимые! И даже то, что никогда не пробовала, но всегда мечтала. Желудок продолжал настойчиво просить вкусить вкусоности, пока сидящий напротив спутник загадочно улыбался.

И почему он такой довольный? Неужто всё опять иллюзия?

Первый кусочек буквально растаял во рту, насыщая богатством вкуса, растекаясь оргазмическим удовольствием, заставляя желать большего. Тут же следом жадно я отправляла второй и третий кусок, жуя с некой яростью, импульсивностью. Казалось, единственной моей целью стала еда, хотелось есть всё больше и больше. Но чем больше я съедала... тем сильнее становился мой голод.

— Вина?

— Да... поВалуВста... — Утирая губы, я с трудом выговаривала слова, набивая рот едой.

Желтоглазый демон наполнил мой бокал, протягивая кроваво-красную жидкость, и даже она казалась столь манящей и привлекательной, что я осушила свой бокал залпом, утирая мокрый подбородок. Я продолжала накидываться на еду, откусывая мясо прямо с кости, вгрызаясь в кусок, отрывая плоть. Следом шли в ход овощи вприкуску с фруктами, булочки, пирожные, рыба... Я глотала безразборно еду, смешивая солёное со сладким. Плевать. Голод слишком силен.

И я продолжала жадно вгрызаться в куски, откусывая от каждого, собирая огромную гору еды у себя в тарелке. Жир стекал по рукам, пачкая одежду, сползая до локтей. Лицо выглядело не лучше, перепачканное соками и специями. Да я словно с цепи сорвалась, растеряв от голода какие-либо манеры приличия...

Что это со мной? С ума сошла от голода?

Разглядывая свои руки, тарелку, а затем и Цефея, я едва осознавала происходящее.

(Жадность)

— Позволишь мне? — Демон протянул руку к моей тарелке в попытке отобрать кусок, но я, словно дикарка, ухватила блюдо, не давая возможности демону отобрать и крошки.

— Нет! Ты сказал, это всё для меня. В этом месте чёрт знает сколько меня не кормили!!! Хочешь, чтоб я с голоду померла, Демон?

— Не чертыхайся, Амара... или в следующий раз я выжгу тебе язык.

Молниеносно уставившись на него, я запаниковала, будучи слишком уверена в том, что демон не шутит.

Вот же упырь...

Демон поднялся со своего места, пугая своей тучной фигурой. Неужто услышал? Неужто пришло время наказывать меня? Я не хочу!

— Что... уже пора? Я не доела...

Он вновь усмехнулся, направляясь вглубь комнаты. С со-

дроганием в сердце я глядела в спину демону, наблюдая за каждым его движением. Стоило ему ступить всё дальше во мрак, как мрак тут же озарялся светом, зажигая странные круглые шары над головой, размером с кулак. И стоило ему подойти к столу у дальней стены, как тут же нечто блестящее сверкнуло, привлекая моё внимание, будоража мой разум.

Что-то новенькое, и когда я успела стать такой нервной? Никогда прежде я не ощущала такие всплески эмоций... желаний. Мои глаза ясно видели то, что лежало на столе, и вновь до дрожи в зубах мне захотелось к этому притронуться.

— Подойди.

Его приглашение звучало так желанно. Соскочив со стула, перебирая быстро ногами, я подбежала к демону, прикрывая рот от восхищения.

Чер... чё... и тут же хлопнула себя по рту, надеясь, он не успел уловить мысли. Вот это да!

Небольшой круглый стол был усеян драгоценностями. И не просто безделушками... передо мной лежали алмазы и сапфиры, сверкая своим великолепием. Золото... серебро... Платина... кольца невиданной красоты, колье, достойные царских шеек, серьги, сверкающие ярче звёзд на небе, браслеты, подвески, клипсы, брошки, заколки и прочее... прочее... прочее.

Невыносимо хотелось трогать всю эту красоту, зарываться пальцами в камни, трогать бижутерию. Да что скрывать, мне

хотелось натянуть всё это прям здесь и сейчас, сверкая ярче новогодней ёлки.

Хочу!!! Так сильно хочу!!!

— Я хочу сделать тебе подарок, Амара. Выбирай.

Выбирай? С ума сошёл??? Я хочу всё! Как можно хоть что-то выбрать, когда глаза разбегаются в разные стороны?

— Что-то одно?

— Да. Один подарок.

Рука потянулась к самому толстому и сверкающему колье в надежде остановить свой выбор на нём, вот только пальцы уже впивались в толстый жгут, притягивая к себе, а затем и другая рука нащупала слишком красивые серьги, впиваясь намертво в них. Да мои руки жили отдельной жизнью, требуя каждая для себя драгоценность. Мысли путались, глаза разбегались. И я никак не могла остановить свой выбор хоть на чём-то.

— Выбрала?

— Я хочу всё!

(Зависть)

Слишком довольный демон шагнул от стола, позволяя буквально лечь на стол, прикасаясь оголённой кожей лица к этим сверкающим богатствам. Зарываясь щекой в рубины, я пыталась втянуть их запах, запомнить, как пахнет драгоценность. Но отчётливый щелчок тут же заставил распахнуться мои глаза, выбивая из лёгкого сумасшествия.

Отрываясь от стола, я взглянула на своего демона, пыта-

ясь понять, что же он делает. Но стоило взгляду оторваться от стола, как все сверкающие прелести исчезли, оставляя в моей руке лишь то, что успела ухватить, — маленькое колечко, с совершенно безликим и тусклым камнем, да такого мелкого размера, что я едва могла его разглядеть в оправе.

— Скромный выбор, Амара. Но раз ты выбрала, прошу обратно к столу.

— Что... выбрала... это? — Поддаваясь эмоциям, я сморщила лицо, чувствуя, как морщины прорезают мимику, собирая кожу в ряды. — Нет! Это кольцо — ничто по сравнению с... Я не хочу его, хочу... хочу... браслет... и колье... Нет, Демон, я хочу красивое украшение, а не это убожество!

— Я подарил тебе то, чего ты достойна. Остальные драгоценности принадлежат мне, и они останутся моими.

В душе становилось горячо, слишком... дискомфорт заполнял грудь слишком быстро. Осознание превосходства этого демона вынуждало злиться на него и одновременно желать владеть всем тем, чем владел он. Я в буквальном смысле чувствовала досаду от того, что не могла владеть таким добром, коим владел Цефей... Проклятый демон. Я тонула в желании иметь то, что имел он. До боли в груди, до скрежета зубов. Хочу!!!

(Гнев)

Желание перетекало в злость, злость возгоралась в ярость, а ярость перевоплощалась в неистовый гнев. Становилось обидно от того, что этот демон продемонстрировал мне всю

эту красоту, позволил выбрать, а затем отнял эту же возможность, подарив самую малость из своей коллекции.

— Жадный, алчный демон! Неужто жалко подарить безделушку побольше?

Швырнув кольцо ему в грудь, я злилась так сильно, что чувствовала, как давление в моей голове нарастает, грозясь взорвать мне мозг.

(Гордыня)

— Жадный, говоришь? Алчный? Может, завистливый... гордый, высокомерный, коварный? Допустим, я позволю тебе выбрать, на что ты готова пойти ради драгоценностей?

Поднимая кольцо, демон надвигался словно туча, заполняя пространство своей огромной чёрной тенью. Ухватив за руку, он поднял её, продевая тонкий кружок на безымянный палец.

Подошло! Сверкнуло красотой. Глаза так и любовались аккуратным колечком, влюбляясь в столь скромную красоту.

— ...Я дам тебе второй шанс избрать то, что так желанно твоему сердцу... если ты дашь то, что желанно мне. Предложи мне выгодную сделку, Амара.

Довольная ухмылка слишком активно расходилась на его красивом лице. Нахальный демон. Слишком! Вторая рука скользила вверх по плечу, подбираясь к моему лицу. На что подталкивает меня эта сущность?

— Мне нечего тебе предложить...

— Хмм... разве?.. Тогда можешь позабавить меня. Проси

как следует... и, быть может, я соглашусь сделать тебе ещё один дар.

Вызвав рой мурашек на моей шее, он отошёл, разрывая столь странные прикосновения.

Стоп! Амара! Чего он хочет? Чтоб ты просила? То есть умоляла? Унижалась перед ним? Быть может, пасть на колени? Чёрта с два!

— Оставь себе свои безделушки, Демон, вместе со своим превосходством. Не стану я просить. Только не у тебя, и ничто в этом мире не сможет меня заставить сделать это! Гордость моя важнее твоего тщеславия.

Демон уселся на стул, молча разглядывая своими жёлтыми глазами. Пугающими глазами, если честно. И чего следует ожидать от его столь пронзительного взгляда? Щёлкнув в очередной раз пальцами, он сделал то, от чего мой рот застыл в немом крике.

В одно мгновение пред нами возник мужчина. Он стоял на коленях перед демоном, сгорбив спину, опадая головой всё ниже, к самым носкам ботинок Цефея. Его неестественная худоба пугала. Каждый сгиб тела выпирал костью, натягивая кожу. Мужчина дрожал, издавая едва слышные стоны. Но самое страшное было то, что от мужчины исходил дым... или пар. Словно его вызволили из огня, остужая кожу более умеренной температурой.

Подняв свои жёлтые глаза на меня, Цефей вновь улыбнулся своей устрашающей улыбкой, заставляя сердце расхо-

диться в бег.

— Желаешь ли ты, человечка, получить от меня дар?

Демон смотрел на меня, чеканя громко каждое слово. И с каждой секундой мне становилось всё страшнее... Что станет делать этот демон? Вырвет ответ из меня клещами? Но тут же последовал ответ, и не от меня. Лежавший в ногах мужчина едва слышно промычал...

— Да... мой Господин...

— Я осыплю тебя золотом, я позволю наполнить свой желудок яствами, я позволю утолить жажду, я позволю унять боль и усталость. Лишь попроси!

Протягивая костлявую руку, бедолага ухватился за носок ботинка, взмолив так жалобно, что стало стократно жалко видеть столь явное унижение.

— Мой господин... прошу... я прошу... Умоляю... — Подползая ближе, бедолага уже покрывал поцелуями ботинок демона, а у меня ком в горле застрял от такой картины. Этого он хочет и от меня?

Страх стал уступать гневу... горячему, пылкому чувству ярости. Паутина огня расплзалась по телу, наполняя меня большей уверенностью в том, что я не стану этого делать! Ни за что! Ему не запугать меня, не сломать.

— Никогда я не стану лизать тебе ботинки в мольбе... лучше смерть!

Слова вырвались так быстро, что я едва успела понять, что их произнесла я. Разве я? Боги...

Глаза непреклонно смотрят в его зрачки, сплетаясь в непрерывную связь. И вот новый щелчок пальцев, и в его руках появляется... Настоящий мясничий топор... И дальше время замедлилось... Демон осыпал бедолагу золотом, едой... Я видела, как мужчина поднимал с пола куски еды, запихивая жадно себе в рот, как сгребал золото под себя, радуясь неожиданному богатству, свалившемуся на его голову. Радуюсь своему счастью, бедолага не замечал того, что творилось выше его головы. А вот я, к сожалению, видела всё. Встав со стула, демон уже взмахнул топором, сверкнув уж очень острой сталью. И не успела я выкрикнуть в попытке остановить этого садиста, как демон уже опустил с размаху оружие. Лезвие вонзилось в голову, словно нож в масло, плавно отделяя её от шеи.

*«Ничто не в силах так нас ослепить,
Так часто в заблуждение вводить
И с толку сбить совсем в конце концов,
Как спесь — беда обычная глупцов».*

Прочитав Александра Поупа, с кровожадной улыбкой на лице демон вновь уселся на свой стул.

Я с ужасом стояла в нескольких метрах от демона, умирая от страха. Неужели он убьёт и меня столь страшной смертью, если я не стану просить... или же стану просить со страху и получу острый топор в затылок? Чего от меня ожидал этот убийца?

— Сядь, Амара. Для тебя ещё один сюрприз.

(Лень)

А мне больше не хотелось сюрпризов. Я мечтала о покое, подальше от этого чудовища. Но выбора не было...

Обходя кровавое месиво, я на секунду... всего на одну секунду... заглянула в широко распахнутые глаза бедолаги, лежавшего у моих ног. Ничего. Странная пустота. Я не испытывала ничего к нему. Ни жалости, ни сострадания, ни даже страха. Мне было абсолютно плевать на его участь. Меня волновала лишь я сама и мои эмоции. Казалось, весь мир должен был сосредоточиться на мне, на моей боли, обиде, на моём страдании. Да, я страдала, и виноват во всём этом — Цефей.

Подняв взгляд на демона, я обошла обезглавленное тело и уселась на пустой стул.

— Не стану молить! Твоими фокусами меня не испугать. Даже если этот человек и был жив, то умер он лишь потому, что отдал всецело свою душу тебе... Так?

О да! Я попала в цель, когда наблюдала за тем, как сходит лучистая улыбка с его лица. Демоны такие демоны. Кажется, я начинала понимать, как всё устроено... Или это во мне говорила моя самоуверенная гордыня?

— Пустота отражается на дне твоих глаз.

— Единственное, что вызвали во мне твои действия, так это скуку. Нет никаких эмоций ни к тебе, Демон... ни к твоим прислужникам. Нет никакого желания поддаваться твоим иллюзиям. Ты становишься слишком предсказуем...

— Тогда предскажи, что будет дальше... — И вновь лицо растягивается в усмешке.

Чего хорошего-то? Чего он такой довольный?

(Похоть)

Рассматривая его лицо, я то и дело цеплялась за каждую чёрточку, изучая демона. Наконец я перестала его бояться, и непонятно, тому виной выпитое вино или огрубение чувств... Может, демон так часто пугал меня, что уже выработался иммунитет к страху?

Я рассматривала его широкий лоб, идеально ровный, я бы сказала, без единой морщинки или изъяна. Изогнутые брови прочерчивали красивую линию, придавая лицу весьма привлекательный вид. И даже прозрачный шрам уже не казался таким уродливым, придавая его лицу некий брутальный шарм. Тяжёлые веки покрывали густые ресницы смоляного цвета. Настолько густые и чёрные, что казалось, у самого основания проведена тёмная линия, придавая глазам пронзительный взгляд. А сами глаза... Такой необычный цвет. Яркий, переливающийся в лёгкий оттенок зелёного, но всё же зрачки жёлтые, необычные. Длинный нос расходился у основания, выделяя ноздри, которые так жадно втягивали воздух. Да он урывал его словно зверь, унюхавший добычу в нескольких метрах от себя. А губы... Впервые я рассматривала столь привлекательные губы. Мягкие, сочные, я бы сказала, пухлые. Самая привлекательная часть его лица. А как он улыбался... своей коварной улыбкой...

Странная волна пронзила тело с головы до ног, создавая теплоту сперва в груди, а затем опускаясь всё ниже к животу. Истома расходилась по телу словно яд, отравляя чувства... ощущения. Я продолжала смотреть на его губы, уже воображая, как могут целовать эти губы... Ведь могут же?

Я видела, как мякоть впивается в плоть, обжигая огнём, как язык ласкает рот, сплетаясь во влаге с моим... Хотелось прикрыть глаза, наслаждаясь этим странным наваждением, но глаза слишком активно бегали по телу, рассматривая мощные руки из-под рубашки. Нет, слишком закрыт одеждой, и снова взгляд на губы...

Как же я хочу почувствовать его язык... Мамочки...

Вздрогнула так, как будто сунула руку в гнездо змеиное. Улыбаясь сквозь губы, демон выпустил то... что едва можно было назвать языком. Длинный отросток расходился на две части, извиваясь словно змейка у его рта. Да сам язык можно было назвать змеиным. Облизав верхнюю губу, демон спрятав обратно свой отросток, вызывая во мне то ли ужас, то ли спазм желания.

Да что это со мной?

Мурашки роем бежали от затылка вниз, огибая грудь, прямоком в живот. Пульсация, она одолевала лобок, опускаясь всё ниже... всё глубже. Чем больше я рассматривала Демона, тем сильнее становилось странное желание. Вожделение наполняло мои мысли, моё желание. Настоящая адская похоть вместе с поклонением и восхищением сидящим пе-

редо мной Красавцем. И когда он успел стать таким привлекательным?

Подошёл так близко. Стало слишком жарко. Похоть, в самом чистом её виде! Я дрожала, когда демон притронулся к лицу, прошёлся кончиками пальцев по коже, создавая искры. Казалось, он прикасается огнём, будоража во мне неизведанное. Сотни раз я воображала подобное, упиваясь теми мелкими вспышками возбуждения. Но сейчас... всё было иначе, стократно сильнее. Ничего подобного мне не доводилось испытывать... только однажды... когда этот же демон обманом вынудил согласиться уйти с ним.

Разве так можно? Хотеть того, чего никогда в жизни не испытывала? Хотеть неизведанного, незнакомого тебе чувства?

Он проходился пальцами по щеке, опускаясь ниже к шее, зажигая настоящую страсть во мне.

— Как насчёт десерта?

Десерта? Я люблю десерты... особенно когда они такие липкие... и вкусные.

Его взгляд пожирал меня, заползая через глаза прямоком в место вожделения.

— Надеюсь, это что-то очень сладкое? — Губы сухие, едва выговаривают слова, прилипая к зубам. Язык слишком разбух, царапая горло.

— Слаще только мёд.

Руки уже скользили по талии, прижимая меня ближе. Си-

ла! Вот что первое я почувствовала в его стальных руках. Настоящая мощь, с которой вряд ли кто-то справится. А затем новая волна восхищения пробила грудь. Никогда прежде мне не доводилось чувствовать столь крепкую хватку, способную раздавить меня как таракана. Да я уверена, что эти руки без труда сумеют поднять, добиваясь желаемого. О таком мужчине можно только мечтать, который сможет тебя взять так, что ты сразу же растаешь в его руках.

И так оно и было. Ухватив под ягодицы, демон слишком быстро усадил меня на стол, который, кстати, уже был пустым. И куда делась вся еда? Впрочем... какая разница, когда мы оба были заняты совсем другими делами.

Губы... я по-прежнему желала их вкусить, мечтала испытать из этого источника страсти, вкушая самые пылкие прикосновения, но демон как назло дразнил меня, продолжая пожирать глазами.

Треск раздался так внезапно, что едва ли я смогла осознать, что его руки разорвали платье. Яростно, буйно он отшвырнул материю, оголяя мою грудь.

Что творит этот... Этот... Демон...

Мысли путались, отнимая возможность думать... понять... и всё же где-то глубоко звенел тот самый колокольчик, давая знать, что пора очнуться...

Очнуться от этих сладких волн... желания. Очнуться от столь приятных прикосновений его рук. Очнуться от собственной похоти... и возбуждения.

Нет!.. Звучит как неуверенное... Слишком тихо в голове... под яркие вспышки ласк демона. Руки активно поднимали подол платья, стараясь оголить самую тайную часть моего тела... и это же тело желало того же, стягиваясь в тугой ком. Вот только голос в голове набирал обороты, сперва шепча слабое «Нет»... А затем и вовсе вопя во весь голос.

Рука... она коснулась того, чего не касалась ничья рука... кроме моей. Жар разлетелся по венам, ударяя прямо в мозг... «Нет»...

— Да... — губы произносят другое...

Нет!!! — кричу в собственной голове...

— Да... — и вновь не удаётся совладать с собой.

Пальцы умело дотрагиваются до пульсирующего места, массируя и надавливая... Причиняя... Настоящее удовольствие. Чувствую, как влага просачивается... стекает по плоти, смазывая все его движения между моих ног... Да он и сам внедрился так близко... что ноги добровольно приняли его, раскрываясь как врата рая... И даже если бы я попыталась их сжать, мои жалкие попытки были бы пресечены им же. Стоило рукам попытаться оттолкнуть наглеца, скрыть от дикого взора хищных глаз оголённую грудь, как он тут же возвёл мои руки над головой, в мгновение связывая запястья плотной верёвкой. Да так туго, что почти причинял боль. Шершавые верёвки впивались в кожу, создавая трение при каждом движении.

Обездвижена, обезоружена единственным, чем могла хоть

как-то защититься. А демон продолжал напор, блуждая руками по ягодицам, сжимая мякоть, впиваясь пальцами в мокрую плоть. Не в моих силах было остановить это, поскольку и сама отдавалась этой буре ощущений.

Тело предательски поддавалось его ласкам, реагируя на каждое прикосновение. И когда ощущения стали совсем сумасшедшими, чёртов демон опрокинул меня на стол, прижимаясь горячим естеством.

О Боги... Он водил твёрдостью по моей плоти, размазывая влагу, вызывая слишком острые ощущения между моих ног. Да как вообще возможно удержаться, когда внутри так полыхает... Этот пожар уже не остановить, не потушить и не остудить. Огонь требует дров!

— Да... Да... — Я подавалась навстречу бёдрами, требуя лишь одного... **ВНЕДРЕНИЯ!**

ДА ВОЙДИ ТЫ НАКОНЕЦ!!!!

И он вошёл. Так быстро, так мощно, что аж искры посыпались из глаз!!! Никакой больше ласки, никаких нежных прикосновений, лишь пылкость... страсть... мощь... Он вбивался тараном, проникая всё глубже и глубже, наполняя меня своей твёрдостью, вызывая умопомрачительное головокружение. Хотелось кричать, извиваясь под его плотным натиском, и как по накатанной стоны вырывались из горла, отражаясь от чёрного мрамора, разнося крики над головой. Волны наслаждения накатывали всё сильнее и мощнее, мозг рассыпался на крупинки, изгоняя какие-либо мысли. Секунда

за секундой удовольствие становится мощнее, взрывая мои ощущения.

Нет больше ничего, кроме горячего члена в моём влажном лоне... и стоило подумать об этом, как взрывная волна пробила моё тело слишком яркими ощущениями... я бы сказала, нереальными. От самой головы пробежались мурашки, заползая во все щели вен и сосудов, водоворот слишком мощный, слишком ощутимый. Всё тело превратилось в сплошной нерв, пульсирующий на грани смерти. Как же приятно... отдаваться пылкости, заниматься сексом... Мой первый...

И вот он, пик моего разочарования... Широко открыв глаза, я вновь осознала... Это всё неправда... Неправда... Иллюзия... Обман... Я не могла вот так отдаться ему... Без сопротивления, без раздумья... Не сказав... правду.

А как же боль в первый раз, про которую все талдычат? Как же чувство совести, стыда? Да на меня как-то раз взглянул один парнишка в общем душе спортзала, так я чуть со стыда не умерла... Мучаясь угрызениями совести ещё недели три. А тут вот так всё просто... взяла и отдалась?

Нет! Не может быть!!!

Глава 12.

Глаза, слишком жёлтые, сверкающие. Сидит напротив, ухмыляясь мне в лицо.

Вот же сволочь... Опять провернул свои штучки...

Соскочив с места, да так, что аж стул перевернулся, я трогала своё целёхонькое платье, прикрываясь руками, будто и вправду стояла голой. Вот только платье скрывало мою наготу, да и Демон восседал на своём стуле, на другом конце стола.

Вот урод!

— Низко, демон. Очень низко. Всё, на что ты способен, — лишь создать иллюзию, но даже там ты не всевластен.

— На тебе всё ещё сохранился запах похоти, — втягивая носом воздух, он издал утробное рычание, да такое жуткое, что я невольно сжалась в собственных плечах, замыкая себя в объятиях. — Всё, что я задумал, я уже сделал.

Его улыбка не скрывала удовольствия... Больной ублюдок.

Сердце ещё не успело успокоиться, бешено вибрируя в груди. Отголоски оргазма по-прежнему блуждали в теле, заставляя коленки дрожать, не говоря о том, насколько было влажно между бёдер, здесь... в реальности.

— Тебе нравится красть души и трахать смертных лишь потому, что среди своих ты полный ноль...

Злость... её отголоски тоже блуждали, переплетаясь с

остальными странными чувствами в груди... Что остаётся делать обиженной девушке? Конечно, оскорблять от собственного бессилия.

— Семь грехов, человечка. Я открыл твоей душе семь грехов, и каждому из них ты поддалась. Ты спрашивала, почему ты здесь? Теперь ты это знаешь. Твоя душа слаба. Чревоугодие, зависть, жадность, гнев, лень и мои любимые... гордыня и похоть... Ты поддалась каждому искушению, Амара. Отрекись ты от них, и я немедленно отправил бы тебя обратно. Вот только ты не смогла обуздать в себе все семь смертных грехов. Ты достойная душа в моём мире.

С каждым его словом на плечи опадала невыносимая тяжесть, пригвождая к чёрному мрамору. Одно-единственное испытание, и я не смогла пройти его... Неужели я и вправду за грехи свои попала в Ад, и в аду я теперь останусь навеки?

— Откуда мне знать, что ты не управлял моей волей? Ты мог нарочно воссоздать эту иллюзию... Зачем вообще копошиться в моей голове?

— Не имеет значения, сидим мы здесь или в твоей голове. Я могу воссоздать что угодно, окунуть тебя в кошмар или в наслаждения... Мне подвластно многое... кроме одного. Я не могу отнять твою волю. Все твои решения приняты лишь тобой, человек. Так что хватит винить меня в своих грехах.

— Нооо...

— Нет никаких «НО». Отдайся мне, Амара. На любых условиях. Желай что хочешь, и я дам тебе это.

— Ты так и не ответил, что ждёт меня после...

Его глаза вновь вспыхнули огнём, отражая языки пламени в зрачках. Вот что могло меня ждать... Он молчал, но пламя в его глазах говорило само за себя.

— Тебя ждёт то, что и других. Искушение, очищение, забвение. Я дам то, чего ты заслуживаешь.

— Забвение?.. Зная, что после смерти есть жизнь, я не хочу забвения! А если не отдам тебе душу? Что тогда?

— Забвение — лучшее, что я могу тебе предложить. Хочешь гореть в общем котле, пока не настанет Судный день?.. Пока не предстанешь перед Богом загробного мира?.. А когда твоя чаша весов склонится на тёмную сторону... боюсь, ты станешь мечтать лишь о забвении, жалея, что не приняла моё предложение.

— Я не верю тебе... ни одному твоему слову. Это всё твои игры... Чтобы склонить меня к непоправимому. Я не отдам тебе душу! НИКОГДА!

Слово эхом отражалось от стен, блуждая в пространстве... ни... ко... да... да... да... да... да... да... ДА... АД... АД... АД...

Казалось, я схожу с ума от множественных голосов, шепчущих всего две буквы, но со столь однозначным смыслом... Становилось страшно... очень страшно. Что, если демон говорит правду? Что, если я могу попасть в место куда похуже этого?

— Твоё тело на грани смерти. Тебе осталось недолго, и

единственный шанс вернуться... согласиться с моим предложением. Я могу исцелить, могу осчастливить, обогатить, возвести на пьедестал, что угодно... Подумай как следует. Но если следующий твой ответ будет таким же... Я отправлю тебя в низший мир ожидать своего часа.

Злость — вот что отражали его глаза, его мимика, его действия. Сжимая кулаки, Демон прожигал взглядом, обещая все адские мучения, перед тем как покинул меня.

Оставил наедине со своими сомнениями, неверием и отрицанием очевидного... Демон изводил меня, даже не прилагая особого усилия. Стоило посеять зерно сомнения в моей голове, и этого стало достаточно для самоистязания.

Как сделать выбор, когда даже не веришь в происходящее, не говоря о том, чтобы выбрать из двух зол наименьшее?

В голове так и всплывали картинки, рассматриваемые мною в интернете. Демон — сущность, способная забрать твою душу взамен на лживое обещание. И стоит тебе дать своё согласие, как он обманет тебя...

Нет... не так...

Демон — существо, занимающее низшее по сравнению с богами положение. Совращает людей ради своей выгоды...

Боги... Если демоны существуют, значит, есть и Боги? Но тогда почему эти же Боги не защищают нас, невинных, от этих же демонов? А может, они и защищают как раз-таки невинных?.. А я тогда кто? Грешница?..

Уткнувшись в собственные ладони, я хотела плакать...

рыдать навзрыд, изливая боль через слёзы. Как можно было распутать этот клубок? Найти ответы?

Найти... Ответы...

И тут меня осенило!

Чёрт... чёрт... чёрт... чёрт... Чёрт... Приди!

И вот оно... Маленькие бусинки чёрных глаз сверкнули во мраке, вызывая во мне восторг. Всё же я попробую найти ответы и начну с того, кого непонятно как подчинила себе.

Обходя чёрное существо, я с ужасом осознавала, что ослушалась... и при этом почему-то жутко этому радовалась.

Неужели я, Амара, сумела призвать вот это... А дальше? Не попасться бы на глаза обитателям этого места...

— У тебя есть имя?

Обойдя спереди, я уставилась в чёрные глазки, удивляясь столь странным узорам. Чёрные зрачки рассекали поперёк радужную оболочку.

Удивительно!

— Ви... льнассссс.

То, что передо мной было существо, кого принято здесь называть «Чёрт», было понятно. Но как действовал сам призв? Токита удивилась тому, как я подчинила его... да и мне самой было интересно узнать это.

— Почему отозвался на мой зов?

Щёлкнув пастью, при этом проклокотав некий звук, существо невообразимым образом развернуло шею, уставившись на меня со спины...

— Зов живой. Я слышу, как бьётся твоё сеееердце. Живаааая. Вкусная...

Живая... Это хорошо... Лишнее подтверждение моему сумасшествию.

Из пасти показался чёрный язык, лизнувший кончик носа. Улыбается своими острыми зубами, едва пощёлкивая маленькой, но весьма опасной пастью. Разворачивая туловище, существо продолжало держать свою голову неподвижно, пока полностью не развернуло своё тельце передом, издавая жуткое цоканье когтей по камню...

Становилось не по себе... особенно когда не знаешь, чего ожидать от этого существа. Но чем чёрт не шутит, когда сам человек призывает его...

— Мне сказали, что вы вредители.

— Для таких, как они... даа... дааа.

— А для таких, как я?

Вставая на задние лапы, как животное, существо встрепенулось, выпрямляя сгорбленную спину. На глазах Чёрт менял свой облик... или это мой разум играл со мной в злые игры? Я продолжала наблюдать за тем, как выпрямилась его спина, как расправились выпирающие ключицы, превращаясь в плечи, как втянулось висячее брюшко, как вытянулась шея. Существо приобрело более человеческий вид, несмотря на шерсть и... и... рога и копыта... Чёрт! Весьма жутковато выглядит. Человек с искажёнными признаками...

— Служу только живым. Готов служить и тебе, Амара.

— Какова цена?

Бесплатный сыр лишь в мышеловке, так? Всё же стоит обсудить на берегу условия...

Подпрыгнув на чёрных копытах, существо подправило волосы на голове, не забывая пригладить свои прямые рожки.

— Цена? Хм... «Коли в лес да по дрова... не забудь и бересту пощипать». Смотря чего ты хочешь.

Козлиные глазки быстро бегали по мне, неустанно моргая.

Хочу выбраться отсюда — первое, что пришло на ум.

Хотя я вряд ли этого хотела в общем представлении. Мне хотелось, конечно, выбраться, вот только если это ад и всё же моё тело в мире живых под аппаратом жизнедеятельности, то, по сути, возвращаться мне было некуда. А вот убедиться в словах Цефея я была не против. Раз уж если заключать сделку с Дьяволом, то хотя бы знать, на что я иду.

— Мне нужны ответы...

— Ну тогда это будет стоять самую малость.

— Ответы, которые я должна увидеть глазами! Я хочу понять лучше это место.

И вновь этот Чёрт подпрыгивает, как игривый козлик, постукивая копытами.

— Немного крови... И я стану твоим личным гидом... путеводителем.

— Крови? Ну начинается... без ужасов никак, да? Мы же в аду... и всё такое.

— Можно и более гуманно. Например, секс. Я весьма буду

нежен, и пару капель первой крови станут моими!

Существо вновь улыбнулось, подмигнуло своим ближним глазом. А мне уже хотелось блевать от подобных мыслей.

— Нет!

С ума сошёл этот чёрт? Не пойду я на такое.

— Танец обнажённой? Множество нимф исполняли эти танцы, радуя мой глаз. Порадуй и ты меня, Амара.

— Нет... ещё...

Ужасаясь его предложением, я всё же надеялась услышать что-то более адекватное.

Потирая свою козлиную бородку, существо обдумывало предложение, расхаживая на полусогнутых ногах.

— Ну хватит упрямиться. Будь тебе ни кровь... ни секс... Ублажи меня иначе, почухай мои рожки. Кажется, в вашем мире это называется «массировать».

И тут мои брови поползли вверх, приподнимая веки. Рожки? Подняв взгляд на две торчащие антенки из головы существа, я представляла, как когда-то в детстве ловила в деревне молочных козчиков, расчёсывая жёсткую шёрстку на лбу, между рожек. Вроде ничего в этом нет. Рожки и рожки.

— И это всё? После... ты дашь ответы на все мои вопросы?

— Хитрые вы, люди. Но я хитрее. Вопрос — действие, Амара, — он растянулся в улыбке, насколько это было возможно выпуклой пастью.

Каждый раз чесать ему рожки? Уговорил. Представлю,

что он моё домашнее животное.

— Отсюда есть выход?

— Из замка?

— Из ада!

— Лазейки есть... всегда что-то да есть. Мы, черти, знаем вдоль и поперёк эти места, изучили каждый угол. Вот только лазейка есть по ту сторону земель. А туда не так-то просто пробраться.

Значит, всё же сбежать можно. Вот только куда? А если поймают? Цефей говорил, что ад наполнен существами страшнее, чем он... А что, если догонит он? Сердце колотилось, как сумасшедшее, напрягая грудину.

— А что на той стороне? Рай?

Чёрт издал смешок, напоминающий больше козлиное беканье, нежели смех.

— На той стороне владения Великой подземной госпожи Эрешкигаль. Этими же землями правит Владыка обширного жилища, её супруг Нергал.

— Господи... И что за имена такие? Хрен выговоришь, не говоря о том, чтобы запомнить. Но это что-то новенькое. Такому меня не учили. Муж и Жена, правители ада? А как же Люцифер, Дьявол, Сатана? Они тогда кто?

— Мои самые любимые псевдонимы, — существо приглаживало грудь, прижимая торчащие волоски. — Видал даже свой лик, изображённый на ваших бумажках.

И тут же перед глазами нарисовался плакат, висевший в

моей скромной квартирке, — Козёл со звездой на лбу, рогами и крыльями, восседавший в позе лотоса, с поднятой левой рукой, удерживающий указательный и средний пальцы вверх...

— Бафомет...

— Во плоти! Я популярен в вашем мире. Помнится, во времена охоты на ведьм немало женщин заключали сделки со мной, отдавая свои тела. Сааааалем... наворотили же мы тогда делов.

Сущность вновь улыбалась, предаваясь уж очень приятным воспоминаниям... настолько приятным, что даже вздохи выдавали чувства Чёрта. Стало не по себе осознавать то, что мы, люди, действительно знаем лишь самую малость, и эта малость — капля в море. Веками мы поклоняемся богам или существам, происхождения которых даже не понимаем. Вот и с ним так... Дьявол всегда изображался в виде козла... Но кто мог знать, что этот же дух является низшим по иерархии. А что насчёт остальных? Кто они такие?

— А эти... Эшк... как-то там, и её Нервный муж...

— ЭРЕШКИГАЛЬ!

Рывкнул Чёрт, взлохматил шерсть на теле. Кажется, его разозлили мои слова... но мне было плевать.

— Да... да... она самая, какова её роль в этом месте?

— Самая что ни на есть главная! Она Богиня! Он Бог.

Мурашки то и дело роем пробежались по затылку, щекоча мои волосы. Боги... Как же величественно и опасно звучит

это слово. Они-то уж точно могли либо спасти, либо уничтожить в прах. Но раз они правят этим местом, то насколько справедливо? Уж слишком мне казалось, что со мной поступили несправедливо, выкрав из мира живых.

Цефей... Чёртов демон!

— Есть и другие боги в этом месте?

— Боги... демоны... прочие существа... Конечно! Их множество, и каждый призван собирать свои души. Вот, например, Ламашту — львиноголовая демоница, призванная насыщать болезни и красть детей. Тиамат — демон бездны, утягивает души самых отвратительных представителей вашего мира. Алу — демон без глаз и рта, вселяющийся в людей, пока те спят, чтобы пробить их тела параличом. Эрра — Бог чумы... Намтар — бог судьбы и смерти...

— Цефей?

— Увлекаешься мифологией? — Подскочил в очередной раз, чёрт проскакал вокруг, заглядывая бусинами в мои глаза. — Пора платить. Чеши рожки, ну же... давай! Ни слова не скажу, пока не сделаешь обещанное.

Стараясь удержать отвращение, я протянула руку к небольшим рогам. На ощупь они показались мягкими, я бы даже сказала, бархатными, совсем как в деревне у бабушки. Пробираясь пальцами, я то и дело зарывалась в мягкую шёрстку, прочёсывая дорожки вдоль и поперёк рожек. Казалось, существу так нравился этот массаж, что он почти помуркивал, издавая странное клокотание.

— Что насчёт воли? Демон может её подавить?

— Никогда. Воля человеку дана Богом, Высшим. Для того, чтобы мог человек отделить добро от зла добровольно. Чтобы мог человек выбор сделать сам. Лишь так человек может контролировать своё поведение, не бросать начатое, достигать целей и противостоять искушениям.

— А что насчёт мыслей?! Почему демон проникает в мою голову?

Вопросы то и дело осыпали мой разум, сменяя один вопрос на другой.

— Это временно. Чем дольше человек пребывает в этом мире, тем сильнее его душа укрепляется здесь. В первые часы душа уязвима, вот демоны и проникают в мысли. А если учесть тот факт, что ты жива... Боюсь, твой демон так и продолжит тебя мучить.

Значит, мой демон пользуется моментом? Поэтому торопит меня? Стоит тут закрепиться, и я больше не буду подвластна его внедрению?

— Ты должен мне показать место, где ожидают души Судного часа.

— Хубур... Страшная река в царстве мёртвых. Кстати, Бог Нергал из числа Игигов и величится как «король Хубура». Любимчик у шумеров...

— Шумеров?

Мозг активно пытался вспомнить, где же я могла слышать об этом. Вавилон? Древняя Греция?..

— А ведь из всех цивилизаций шумеры единственные, кто познал присутствие Богов...

— Покажи мне эту реку. И расскажи про этого Нергала...

Под звуки урчания я продолжала гладить этого весьма... милого чёртика, удивляясь его наслаждению.

— Для этого тебе придётся покинуть замок.

Покинуть? Не проблема. Меня здесь ничего не держит. План уже созрел в моей глупой головке... если б я тогда только знала, чем закончится моё путешествие...

— Тогда помоги мне сбежать!

Глава 13.

Как жаль, что глупость не болезненна. Так хоть люди бы понимали, что свернули не на ту дорожку, ошиблись. Но нет, глупость — это выбор, хоть и сделанный неосознанно. Искать приключения на свою задницу в мире, о котором мне ни хрена не известно, — точно, это про меня!

— Запрыыыгивай. Но есть условие...

Издав свой очередной то ли смешок, то ли козье мление, мой новый друг вновь перевоплощался в четвероногое создание с горбатой спиной, четырьмя лапами и жуткой мордой получеловека-полукозла.

— И что за условие?

Мне бы стоило остановиться... хотя бы удивиться столь странной упорности этого... Вильнюса... вот только мне было не до этого. Глаза вспыхнули интересом и любопытством, хотелось свалить поскорей из этого «Замка», подальше от этого «Цефея».

— Мы в загробном месте, детка... а здесь нет места этому... — Чёрные бусинки сверкнули странным блеском, когда он взглянул на моё чёрное платье.

На что это он намекает, чёртов извращенец?!

— Чего это...?

— Того, что души, обитающие здесь, обнажены... Полностью, перед владыками. Одежду носят лишь Высшие... А

они не водятся с такими, как мы... Так что не стоит привлекать лишнего внимания.

Вот же прохвост... И что я должна делать? Вот так просто стянуть одежду, оседлав этого «Жеребца»? Сомнения, они повсюду, в каждом уголке этого проклятого мира. Да уж, одно было понятно... волю никто не отнимает даже в этом месте. Выбирай, Амара...

— На раздумье пять секунд. Сюда идут...

Переминаясь на чёрных лапках, существо то и дело слишком нервно вздрагивало, нагнетая и так тяжёлую обстановку, и выбор... Сейчас или никогда...!

— Как мы покинем этот мрачный зал пыток?

— А вот так... — Щёлкнув пальцем, существо как по волшебству перенесло нас в мою, так сказать, комнату.

Ого... ничего так способности.

Подойдя к окну, взглянув на столь кровавый ландшафт... Я всё никак не могла принять решение, то отказываясь мысленно, то тут же требуя у самой себя согласия!

— А к чёрту... — Пальцы нащупали боковые пуговицы, расстёгивая чёрную материю, спуская к ногам платье.

Стыд... первое чувство, как только тело осталось без одежды. Кровь мгновенно прилила к голове, окрашивая лицо в тот же кровавый цвет, что и за окном, как только Вильнас оглядел меня с ног до головы.

— Не скромничай... — Заурчав, чёрт продолжил: — Я видал обнажённых цариц... королев... Тысячи ведьм призы-

вали меня, подчиняя себе в услуги. Толстые, худые, красивые, страшные, но мне какая разница до их тел... Когда душа... мне нравился вкус их гниющих душ...

Подойдя к ногам, существо тёрлось, как домашняя кошка-переросток, издавая утробные бульканья.

— Ппоррра.

Раздвинув ноги, я оседлала своего «похитителя», до жути боясь того, что намеревался сделать Чёрт, а целью его было окно.

Твою ж... налево...

— Мамочки!!!! — Успела взвизгнуть, перед тем как услышать злостный женский крик, оставшийся позади.

— Вот же дура! Куда ты, идио... ка... Обма... нет... Теб... Вер... съ...

Но рычащий голос Чёрта перебивал крик стоявшей у окна Токиты.

— Рога... держись за них.

И я ухватилась, да так крепко сжала, что стало больно костяшкам. Но пропасть над нами тут же выбила какие-либо мысли. Меня не волновали крики Токиты, не волновало моё обнажённое тело, не волновал даже сам чёрт под моим горячим лоном, меня ошарашил вид того, что открылось моим глазам. Мы пролетали над острыми, как пики, нагорьями, окружавшими так называемый «Замок». Да уж... это вряд ли можно окрестить «Заком». Впервые я смогла разглядеть его масштабы, которые никак не укладывались в голове.

При упоминании о замках представляешь средневековую огромную постройку из камня, украшенную башнями, колоннами, пиками и высокими ветровыми окнами. Но здесь ничего подобного и в помине не было. Огромная каменная гора тянулась острыми сталактитами ввысь. Замок походил на огромную пику, вот только гора была не треугольной формы, а конусной. Со всех сторон торчали острия, выступали каменные наросты и множество острых минералов. Окна больше походили на щели, выдолбленные чёрт знает чем. Из самой верхушки замка торчало острие, светившееся кровавым лучом прямоком в небо...

А ещё огни... Стоило покинуть территорию, как за пределами показались огненные реки, взрывающиеся и пузырившиеся лавой. Повсюду был смрад, огонь... дым... пепел... и крики.

Стоило отлететь от замка, как крики заполняли уши, вбираясь всё глубже в сознание. Невыносимо было слушать эти ужасы и оставаться равнодушной. Голоса сливались в один сплошной вой, набирая разные тональности. Мужские... женские... и даже детские голоса создавали одну-единственную ноту ужаса... Хотелось зажать уши, отключить слух от этого кошмара, только вряд ли можно было заглушить хоть чем-то этот звук страданий.

— Эта Хубур поёт неустанно свою песнь боли.

Звучит как никогда жутко... особенно из уст Чёрта.

— Хубур?

— Амара... там души ждут своего часа веками, рассказывая каждый свою историю.

— Значит, мы близко? — Стоны разносились слишком громко...

— Скоро... Звуки Хубура разносятся по всему миру мрака, где бы ты ни находилась. Лишь заклинания высших могут лишать свои жилища плача мёртвых.

И мы продолжали лететь, открывая моему взору слишком кошмарный потусторонний мир. Потрескавшаяся земля извергала дым и смрад, наполняя лёгкие запахом серы... и гари. Грудь начинала гореть от тяжёлого воздуха, заполняя дыхательные пути частичками пыли. Повсюду летали облака, наполненные дымом и смрадом.

Моё привычное понимание ада было напрочь стёрто и заменено на реальные картинки, но не менее ужасающие. Чем дальше мы летели, тем сильнее сжималось моё сердце, видя пугающий антураж. Красная земля меняла свой цвет на чёрный. Перед глазами открылась настоящая пустота, без единого растения или возвышения. Равнина была устелена чёрным покрывалом, и я даже боялась представить, что это могло быть, поскольку в нос ударил уж слишком знакомый стальной запах. Но мой путник, словно чувствуя мой страх, тут же опередил мои мысли.

— Долина Гема...

Гем... кто бы сомневался. Да что уж скромничать, назови он это место как угодно, понятно же, что земля пропитана

чёрной, густой кровью.

— Сюда стекаются остатки осуждённых душ. Вернее, всё то, что от них остаётся...

Признаюсь, волосы на моих руках буквально встали дыбом, пропуская мелкие искры сквозь луковицы. Страшно было подумать о том, через что проходили эти души, прежде чем стечь остатками сюда...

— А что от них остаётся? — Не удержалась... несмотря на страх, спросила. Любопытство брало верх.

— «Взмахнув судьбоносным мечом, Бог Нергал рубит нещадно души, заставляя истекать тех жаждой боли... насилия... и жестокости. Выпускает наружу Нергал сущность души, дабы проглотить их страдания, выпивая... их энергию, оставляя лишь кровавый сгусток зла».

Вот тебе и Бог загробного мира... Жестокий и беспощадный. Не хотела бы я с ним повстречаться.

— А если душа не творила зла? Что тогда?

Чёрт усмехнулся, завибрировав маленьким тельцем под моими ногами.

— А разве таковые есть?

— Но как... Не могут же все быть злыми! За какие грехи души должны расплачиваться вечными мучениями?

Возмущению вперемешку со страхом не было предела. Неужели все люди на земле обречены на ад? А как же рай со своими райскими садами? Где обещанные небеса со своими ангелами?

— Есть забвение. Есть мучение. А есть жизнь среди Богов, прислуживая им.

— А что Та... — Я очнулась, вспомнив, как не понравилось существу моё высказывание о Богине... — Правительница... Как судит души она?

— Она истинная Царица подземного мира. Первородная! Очень могущественная правительница в своём царстве мёртвых. Её суждения и законы всегда неоспоримы. Никто никогда не мог подвергнуть сомнению её решения, и те, кто входит в её мир, больше не могут вернуться в мир живых. Даже её супруг подчиняется только ей. Эрешкигаль безжалостна. Её Королевство — это сторона мрака, без будущего и какой-либо надежды. Хубур разделяет Владения двух супругов, отмечая, где заканчиваются земли Нергала и начинаются владения Эрешкигаль. Река по праву принадлежит Богу, и лишь он решает судьбы всех душ. В воды безнадёжности брошены не только грешники, но и хорошие и плохие, большие и малые, богобоязненные люди и хулители. Все они становятся бессильными и бледными навсегда, как только попадают туда. Но когда приходит час суда и Нергал оголяет свой меч, душа отправляется туда, где ей и место. Но некоторые души он отбирает для своей Богини, поднося ей дань...

Холодок то и дело блуждал по позвоночнику, покрывая спину ледяным потом. И вправду этот Хубур — страшное место, и не хотелось бы попасть туда...

— А что она... Богиня Эрешкигаль... Что она делает с ду-

шами? — Сглотнув тягучую слюну, я всё же надеялась услышать что-то доброе... Но увы... Оставь надежды, Амара...

— Запечатывает, сковывает, мучает в своё удовольствие, преобразовывает, насильно удерживает в своём мире, а также ощущает их в любой точке своих владений. Но распространяется это только на души мертвецов и только если душа ступила на её часть земель.

Вдали сверкнули яркие вспышки, освещая величественные и устрашающие клубы розового дыма, и моё тело вздрагивало вместе с этими вспышками. Молнии то и дело привлекали моё внимание, хоть немного отвлекая от душераздирающих воплей и криков. Дымка переходила в облака, наполняя небо устрашающими тучами. Чем ближе мы подлетали, тем становилось тяжелее на моём сердце. Печаль окутывала душу, пронзая все эмоции. Казалось, тучи сгущаются над нами, разнося гнёт страданий, боли... Казалось, я сама превращаюсь в сплошной ком тоски... Мысли начинали путаться, заставляя вспоминать самые ужасающие моменты моей жизни, о которых я и позабыла.

Вот всплывает картина, как пинаю несчастного щенка, насмехаясь над его визгами, в то время как малолетние друзья стоят совсем близко, грозясь побоями, если я не стану делать то, что они мне велят. И единственное, что я чувствовала в тот момент, несмотря на изображаемый смех, так это отворачивание к самой себе... За то, что испугалась... не смогла дать отпор... поддалась воле толпы и причинила вред живо-

му существу... Позже я, конечно, жалела, посвящая время приютам и помогая бездомным...

А вот и другая картинка смешивается с предыдущей, напоминая, как отвратительно вела себя, будучи подростком... как с этими же псевдодрузьями издевались над несчастным бездомным, пиная его ногами, кидаясь объедками и бычками. Я была последней... кто подошёл и плюнул бедолаге в лицо, не ощутив ничего в своей душе. Пустота... ни сострадания... ни сожаления... ничего... Позже... спустя много лет я стократно жалела об этом поступке, искупая вину пожертвованиями еды и денег таким же бездомным, вот только печальный взгляд серых глаз никогда не стереть из моей памяти. Никто и никогда не смотрел так на меня, как тот самый бездомный. Взгляд, наполненный не злом и не яростью... Жалостью... ко мне. Ведь тогда... в те минуты падшим существом был не он... падшими были мы. Несформировавшиеся личности с жестокими сердцами и недоразвитыми мозгами.

Вот и сейчас серые глаза сверлили меня из недр моей души, создавая настоящую бурю угрызений совести...

— Хубур... Видишь...?

Но всё, что я видела, — лишь бурую жижу, наполняющую извилистое устье... Чернота расплёскивалась по краям, окрашивая землю во мрак. Не было никаких тёмных вод, которые я себе представляла. Бурая жижа состояла из человеческих отходов... крови... раздробленных в кашу внутрен-

ностей. Но самое кошмарное было то, что среди всей этой кроваво-чёрной юшки всплывали люди... или их остатки, так сказать... привлекая мой и так ужасающий взор... Тела неестественно извивались, пытаясь ухватиться друг за друга. Головы всплывали на поверхность и тут же уходили под воду, издавая страшные захлёбывающиеся звуки. А лица тех, кого удавалось разглядеть, не выражали ничего, кроме ужаса. Рты застыли в криках, глаза слишком открыты, почти выскакивали из орбит, зрачки наполнены невыносимым ужасом. Набухшие носы то и дело пытались урвать хоть каплю воздуха, погружаясь обратно в пучину гнили. Люди протягивали руки вверх, моля о пощаде или о помощи. Тела то и дело прокручивались в жиже, словно в большой адской мясорубке, издавая адские вопли. Конечности ломались с ужасным хрустом, кости отделялись от мяса, всплывая на поверхность, а само мясо кровоточило бурой жижей.

Если бы я могла, я бы кричала так же громко, как и все эти души, вынужденные страдать вечно, там... внизу... Вот только рот мой застыл в немом крике, не способный издать ни звука. Да мне самой уже казалось, что я там... внизу... скольжу среди этих тел, чувствую боль и страдания...

— Хубур — то место... где кончается жизнь и начинается кара. В этом месте даже мы, черти, теряем контроль, ощущая весь гнёт мучений всех этих душ. Нам незачем здесь задерживаться.

Отчаяние, оно топило меня изнутри, переполняя мои воз-

возможности. Невыносимо было ощущать всю эту боль, она пропитывала не только душу... проникала в тело, мышцы и кости. Казалось, меня выворачивает наизнанку. Подобное выносить не было сил. Обмякнув, я прижималась к чёрту, желая лишь одного — оказаться как можно дальше от этой реки боли.

Огибая русло, мы летели вдоль... прежде чем чёртов упырь перескочил реку, переправляя нас на другую сторону. И я бы возмущалась, если бы могла, но было уже поздно, когда мои чувства стали возвращаться в норму.

— Куда... разве не ты ли говорил, что река разделяет...

— Хочу показать тебе ещё кое-что, — он перебил меня, ускоряя движение. — Нас никто не заметит.

Мы продолжали свой путь, приближаясь к очередному странному месту. Зелёная дымка закручивалась вихрем в облаках, окрашивая пространство в ядовитый цвет. И чем ближе мы приближались, тем беспокойнее становилось на душе... из-за слишком зелёного тумана, надвигающегося на нас.

— Это что ещё такое? Отравляющий газ? Ядовитый вихрь?

— Мой дом, — с громким хохотом проклокотал Чёрт, ускоряя своё движение, да так, что я едва удерживалась на нём.

— Стой... погоди... не так быстро... Вильнас!!!

Но он меня не слышал, продолжая упиваться смехом. Что-

то в его действиях изменилось. Чёрт перестал заботиться о моей безопасности, стараясь как можно быстрее настигнуть зелёных... болот.

Приземляясь на твёрдую землю, сущность скинула меня с себя, ерепаясь, как дикое животное. Он трусил свою шкурку, словно кот, мотая головой в разные стороны, а через мгновение и вовсе исчез, убегая со скоростью света в ядовито-зелёные гущи.

Потирая бедро и пятую точку, я пыталась унять боль от столкновения тела с землёй. И несмотря на то, что в этом месте сама земля была липкой и вязкой, я всё же умудрилась приземлиться крайне неудачно. Бедро ныло, оповещая о лёгком вывихе, не говоря о копчике, который загнулся внутрь, вызывая импульсы боли в позвоночнике... и даже несмотря на боль, я всё же с ужасом озиралась по сторонам, понимая, что место, куда привёл меня этот чёрт, не менее опасное.

Стволы деревьев возвышались над головой, раскрываясь жуткими корягами. В нашем мире я бы посчитала такие деревья безжизненными, высохшими, вот только в загробном мире эти гиганты продолжали жить, пульсируя корнями в самой земле. Стволы были покрыты странными паутинами, сквозь которые протекала зелёная жижа. Кроны же плавно двигались, издавая скрежет и лязг.

Земля под руками казалась липкой и вязкой, словно жидкий клей. Пытаясь подняться, я то и дело утопала ногами, издавая неприятное чмяканье. Руки и ноги успели окунуть-

ся в грязь, окрашиваясь в болотный цвет.

Зелёная дымка просачивалась повсюду, разгуливала среди стволов неестественным туманом, шевеля странную на вид растительность. Трава... кусты... жили жизнью, плавно извиваясь, как змеи, протягивая ко мне свои корни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.